

Подъ редакціей Л. Г. Мунштейна (Lolo).

РАМПА и ЖИЗНЬ

№ 8

1910

Марья Гавриловна Савина.

Къ 35-лѣтію сценической дѣятельности.

МОСКВА

Воскресенье 21-го февраля 1910 г.

Цѣна отд. № 15 коп.

ОПЕРА С. И. ЗИМИНА ОПЕРА

(театръ Солодовникова).

Въ субботу 20-го февраля бенефисъ А. В. ПИКОКА „Майская ночь“.

Открыть абонементъ на 4 гастролы знаменитаго итальянскаго тенора **ДЖУЗЕППЕ АНСЕЛЬМИ**.
При участии въ трехъ гастролѣхъ извѣстной артистки **Вѣры Владиміровны ЛЮЦЕ**.

Во вторникъ 9-го марта **ВЕРТЕРЪ**.
Въ четвергъ 11-го марта **РОМЕО** и **ДЖУЛЬЕТА**.
Въ субботу 13-го марта **МАНОНЪ**.
Въ понедѣльникъ 15-го марта **РИГОЛЕТТО**.

Открыта продажа билетовъ на масленую недѣлю.

У Т Р О МЪ:		В Е Ч Е Р О МЪ:	
„ФАУСТЪ“. Евгеній Онѣгинъ. ВРАЖЬЯ СИЛА. ТРАВИАТА. МАЙСКАЯ НОЧЬ. Царь-Плотникъ. ГУГЕНОТЫ. Демонъ.	ФЕВРАЛЬ:	21-го	ФЕВРАЛЬ: ТАНГЕЙЗЕРЪ. Мазепа. ЗОЛОТОЙ ПЪТУШОКЪ. Аида. ТАНГЕЙЗЕРЪ. Мазепа. ЗОЛОТОЙ ПЪТУШОКЪ. Майская ночь.
		22-го	
		23-го	
		24-го	
		25-го	
		26-го	
		27-го	
		28-го	

Начало спект. въ 8 ч. веч. Билеты прод. съ 10 ч. утра до оконч. спект.

Дирекція **С. И. Зимина**.

ТЕАТРЪ

„ЭРМИТАЖЪ“

Въ субботу 20-го февраля.
бенефисъ М. В. Михайлова, съ участіемъ В. М. Шуваловой.
„ПРИНЦЕССА ДОЛЛАРОВЪ“.

Масленичн. репертуаръ;

ДИРЕКЦІЯ
М. М. Брянской и Я. В. Шукина.
ОПЕРЕТТА
подъ управ. **А. А. Брянскаго.**

21-го февр. „Карлсбадская фея“ и дивертисментъ. 22-го съ участ. В. М. Шуваловой „Красотка“. 23-го „На полюсъ“ и „Въ сумасшедшемъ домѣ“. 24-го съ уч. В. М. Шуваловой „Крестьяночка“. 25-го бенефисъ М. Вавича „Король“ и „Цыганскія пѣ-

сни“. 26-го „Тайны Гарема“ и „Послѣднія новости“. 27-го „Графъ Люнсембургъ“ и „Цыганскія пѣсни“. 28-го „Карлсбадская фея“ и дивертисментъ. Билеты на всѣ объявленные спектакли продаются. Касса откр. съ 11 ч. ут. до оконч. спект.

АВТО-МУЗЫКА

— **А. БЕРГМАНЪ.** —
МОСКВА, Мясницкая, д. Сытова. Телеф. 49-06.

Музыкально-механическіе аппараты, ПИАНИНО И РОЯЛИ. ■ НОТЫ для всѣхъ механическихъ аппаратовъ: ФОНОЛЫ, ПИАНОЛЫ и друг. ■ ГОТОВЫЯ И НА ЗАКАЗЪ. ■ АППАРАТЫ для ДОМАШНЯГО ПРИГОТОВЛЕНІЯ НОТЪ. ■ Принимаются піанино для устройствъ (въ нихъ) механическихъ аппаратовъ. Главное представительство новыхъ механическихъ піанино „VIRTUOS“.

НОВАЯ ПЬЕСА:

ПРОСНУЛСЯ Я, ВНИМАЙТЕ!

въ 4 д. Ю. Аль-Рашида (муж. р. 5, ж. — 3). Цѣна цензур. рук. экз. 5 р. 75 к. Получ. Спб. „Комис. бюро при Союзѣ драм. и муз. писат.“. Вассейнал., 3 — 5. (Тел. Спб. Драматическ.)

Страничка изъ жизни В. Ф. Коммиссаржевской. *Н. Т-на.* — Помолчимъ. *Виль.* — Надъ свѣжей могилой. *В. А. Хавкина.* — Жареный гвоздь. *В. Тихонова.* — Москва. — Письма въ редакцію. — Петербургъ. — Мелочи театральной жизни. — За рубежомъ. — На гробъ В. Ф. Коммиссаржевской (Голосъ провинціи). *А. Ардова.* — Провинція.

РИСУНКИ и СНИМКИ: В. Ф. Коммиссаржевская (2 портрета). — М. Г. Савина (къ юбилейному спектаклю). — М. В. Бочаровъ (къ 10-лѣтію сцен. дѣятельности). — А. И. Южинъ. Шаржъ *А. Тарсаго.* — К. Н. Незлобинъ. Шаржъ *Малютина.* — О. В. Гзовская въ „Женитьбѣ Фигаро“. Набросокъ *Малютина.* — Б. С. Борисовъ въ „Миррѣ Эфрось“. — В. П. Овчинниковъ (къ 25-лѣтію сцен. дѣятельности). — Ф. И. Шаляпинъ въ „Донъ-Кихотъ“. — „Мазепа“ въ оперѣ Зимина (2 рисунка). — „Вечерняя заря“ Гамсуна въ Петербург. Новомъ театрѣ. (2 рисунка) *Зильберштейна.* — Руткевичъ. — Г-жа Воронещъ въ „Галькѣ“. — Г. Гаевскій.

ПОСТОЯННЫМИ СОТРУДНИКАМИ „РАМПЫ И ЖИЗНИ“ СОСТОЯТЪ: А. Ардовъ, Т. Ардовъ, Н. М. Архангельскій, В. Базилевскій, Н. Басъ, И. А. Бунинъ, Н. Н. Вашкевичъ, Н. Высотскій, Л. И. Гальберштадтъ, В. Н. Гартевелъ, Э. Гольденвейзеръ, А. С. Грузинскій, Ю. Денике, Н. Г. Еремѣевъ, В. Е. Ермиловъ, Евт. П. Карповъ, І. І. Колышко, А. И. Косоротовъ, С. А. Кречетовъ, В. О. Лебедевъ, Б. О. Лебедевъ (Лондонъ), А. Н. Лепковская, М. О. Ликиардопуло, Лою, Лознгринъ, Як. Львовъ, Г. С. Макриди, С. С. Мамонтовъ (Матовъ), Э. Э. Маттернъ, І. А. Матусевичъ, Вл. И. Немировичъ-Данченко, А. М. Пазухинъ, И. С. Платонъ, С. О. Плевако, А. А. Плещеевъ, И. И. Поповъ, Ник. Ал. Поповъ, В. В. Протопоповъ, С. Д. Разумовскій, Ю. Л. Ракитинъ, Д. Ратгаузъ, П. А. Сергѣенко, А. А. Смирновъ, Н. Соловьевъ, А. А. Стаховичъ, Л. А. Суллержичкій, кн. А. И. Сумбатовъ (Южинъ), Н. Д. Телешовъ, Л. Д. Теплицкій, Н. И. Тимковскій, Н. Урванцовъ, В. Хавкинъ, Н. Г. Шкляръ, И. О. Шмидтъ (Рудинъ), Н. Е. Эфросъ, Сергѣй Яблоновскій, Д. Д. Языковъ; художники: В. П. Дриттенпрейсъ, Н. П. Крымовъ, Н. Сапуновъ, С. Ю. Судейкинъ, Г. Б. Якуловъ, Andre, И. Малютинъ, Д. Мельниковъ, Г. Рабиновичъ и друг.

Страхишка изъ жизни

В. ф. Коммиссаржевской.

Вѣра Федоровна начала службу на сценѣ въ Новочеркасскѣ. Такъ какъ первый же сезонъ былъ для нея триумфомъ, окрылившимъ ее на подвигъ посвятить себя драмѣ, то она любила этотъ городъ и рѣдкую поѣздку по Россіи не заѣзжала туда на нѣсколько спектаклей.

Въ одну изъ такихъ поѣздокъ, организованныхъ гг. Сабуровымъ и Кручининимъ, Вѣра Федоровна пріѣхала въ Новочеркасскъ, чтобы сыграть 4 спектакля: „Безприданницу“, „Волшебную сказку“, „Вопросъ“ и „Дикарку“.

Новочеркасскіе театралы искренно любили Вѣру Федоровну; ея пріѣздъ былъ большимъ свѣтлымъ праздникомъ. Нечего и говорить, что на всѣ спектакли всѣ билеты были въ нѣсколько часовъ раскуплены.

Съ перваго же спектакля въ театрѣ началось какое-то бѣснованіе. Молодежь, изголодавшись на провинціальной труппѣ, доходила до жестокости, заставляя артистку выходить на вызовы, пока она окончательно не утомлялась.

Вѣра Федоровна въ этотъ пріѣздъ чувствовала себя превосходно. Была весела, много смѣялась, шутила. Въ труппѣ, сопровождавшей ее, были преимущественно молодые, начинающіе артисты, между прочимъ, г-жа Ратѣва, г. Радинъ и др. Играли всѣ съ увлеченіемъ, а въ антрактахъ, когда игралъ оркестръ (а въ Новочеркасскѣ оркестръ въ театрѣ обязательно играетъ вальсы и другіе танцы), молоденькія актрисы и актеры отплясывали на сценѣ такъ, что занавѣсъ развѣвался.

Когда гастроли кончились, мы умоляли Вѣру Федоровну остаться еще хоть на одинъ спектакль и сыграть „Бой бабочекъ“. Она искренно радовалась нашими восторгамъ и энтузіазмомъ, терпѣливо сносила наши приставанья, но

остаться никакъ не могла. Наутро она должна была выѣхать въ Ростовъ - на - Дону, гдѣ вечеромъ того же дня былъ назначенъ „Бой бабочекъ“.

На другой день утромъ мы собрались проводить артистку. Поѣздъ долженъ былъ уйти въ 2 часа дня. По дорогѣ мы узнали, что поѣздъ сильно опоздаетъ, что артисты, поѣхавшіе на вокзалъ, вернулись и просятъ Вѣру Федоровну побыть въ гостиницѣ, пока не будетъ извѣстно время отъѣзда.

Идемъ въ гостиницу.

Вѣра Федоровна, окруженная друзьями, сидитъ въ пустомъ номерѣ, одѣтая къ отъѣзду: въ шляпѣ и пальто. Молодежь нанесла цвѣтотъ и конфетъ.

Идемъ часъ, два... Приближается вечеръ, а поѣзда нѣтъ. Кто-то уговариваетъ Вѣру Федоровну съѣсть что-нибудь, подкрѣпиться. Она отказывается. Проходитъ еще часъ. В. Ф. соглашается выпить чаю. Наконецъ, поѣздъ! Идемъ на вокзалъ. Театралы, ожидавшіе любимую артистку на вокзалѣ, успѣли съ 2-хъ час. до 6 „подкрѣпиться“.

Вѣра Федоровна беретъ подъ руку одну изъ барышень и говоритъ:

— Ужасно не люблю, когда меня провожаютъ пьяные, заставляютъ пить. Не отходите отъ меня, а то еще кто-нибудь изъ нихъ возьметъ меня подъ руку.

Однако шампанское было давно заморожено, и Вѣра Федоровна принуждена была „пригубить“ бокалъ. Наконецъ, отъѣздъ. Группа друзей ѣдетъ съ артисткой, чтобы видѣть ее въ Ростовѣ въ „Бой бабочекъ“.

Въ купѣ В. Ф. мило щебетала, рассказывая различные приключенія во время турнѣ.

Какъ-то въ пути поѣздъ былъ почему-то задержанъ. Вѣра Федоровна съ товарищами пошла погулять, заговорила и отошла порядочно. Поѣзду надо уходить, а ея нѣтъ. Вся труппа высыпала изъ вагона, окружила паровозъ и Христомъ Богомъ молила машиниста подождать. Чуть не на рукахъ притащили артистку, и тогда поѣздъ тронулся.

Кто-то изъ насъ удивился, что не видѣлъ

В. Ф. Коммиссаржевская.

на проводах князя-калмыка, который приехал на спектакли В. Ф. в Новочеркасск.

— Онъ вчера послѣ спектакля простился со мной и уѣхалъ въ Ростовъ съ утреннимъ поѣздомъ. Мы увидимъ его въ театрѣ.

Стали спрашивать о князѣ.

— Ахъ, это удивительный мой поклонникъ, — сказала Вѣра Федоровна. — Я знаю его давно, у меня никогда такого другого поклонника не было. Въ Петербургѣ онъ смотритъ всѣ мои спектакли, теперь ѣдетъ по провинціи. Я знакома съ его семьей. Они всѣ меня любятъ. Лицо у него черное, но душа чистая, какъ у ребенка.

Въ Ростовѣ въ гостиницѣ В. Ф. ждалъ большой букетъ, приготовленный княземъ.

Въ театрѣ публика истомилась, ожидая приѣзда В. Ф. „Бой бабочекъ“ начался въ 9^{1/2} часовъ.

В. Ф. играла поразительно. Куда дѣвалась ея усталость и волненіе. Каждый актъ вызывалъ все больший и больший восторгъ толпы.

Въ 3-мъ актѣ по пьесѣ В. Ф. должна выпить много вина. Обычно она приказывала давать ей лимонадъ. Въ этотъ вечеръ она забыла сказать объ этомъ, и кто-то постарался вручить г. Радину бутылку донского шампанскаго.

Вѣра Федоровна, ничего не зная за весь день, страшно утомленная, принуждена была выпить нѣсколько бокаловъ вина. Къ концу акта она сильно поблѣднѣла, подошла къ диванчику и легла спиной къ публикѣ, уткнувшись лицомъ въ подушку. Когда г. Радинъ подошелъ къ дивану, то видно было, какъ онъ смутился. Быстро ушелъ за кулисы. Скомкали конецъ акта и дали занавѣсъ.

Съ Вѣрой Федоровной сдѣлалось дурно. Ее

обрызгали холодной водой. На вызовы ее велили въ мокромъ платьѣ.

Публика въ театрѣ заволновалась. Антрепренеръ умолялъ Вѣру Федоровну доиграть, но она была не въ состояніи.

У дверей уборной волнуясь шагала князь. Увидя антрепренера, онъ просилъ не принуждать В. Ф. играть, а если кто потребуетъ за билетъ деньги обратно, просилъ вернуть ихъ за его счетъ.

Товарищи одѣли В. Ф. въ шубу и понесли въ гостиницу. Помогалъ нести и князь.

Мы грустно шли слѣдомъ въ надеждѣ, что артисткѣ станетъ лучше и намъ удастся проститься съ ней.

Стопились въ коридорѣ.

Вышелъ князь, взволнованный, сказалъ, что В. Ф., повидимому, чувствуетъ себя плохо. Опечаленные, мы отправились на вокзалъ, чтобы ѣхать обратно въ Новочеркасскъ.

Неудача, постигшая В. Ф., объединила насъ, ея почитателей, князь присоединился къ нашей группѣ и говорилъ:

— Представьте себѣ мое недоумѣніе, я хотѣлъ помочь положить В. Ф. на постель, вдругъ одинъ изъ актеровъ повышеннымъ голосомъ заявляетъ: прошу постороннихъ выйти, здѣсь не мѣсто любопытству поклонниковъ. Я былъ изумленъ. Хотѣлъ объясниться. Люди не понимаютъ очевидно, съ какимъ чистымъ, большимъ поклоненіемъ я подошелъ къ В. Ф. Изъ уваженія къ больной я не сказалъ ни слова. Сейчасъ я ѣду въ Харьковъ, завтра В. Ф. ѣдетъ туда, и тамъ ужъ я позабочусь, чтобы она не играла, не пообѣдавъ.

Нѣсколько недѣль спустя на гастроли въ Новочеркасскъ приѣхала другая артистка, извѣстная, нашумѣвшая въ свое время, но совсѣмъ въ другомъ жанрѣ. Она сама искала знакомствъ съ театрами и ихъ поклоненія.

Въ разговорѣ съ нею вспомнили В. Ф. и эпизодъ въ Ростовѣ.

— Она вѣдь тамъ передъ спектаклемъ напилась, — вставила полупрезрительно гастролерша.

Вотъ какъ создаются нѣкоторыя легенды.

Н. Т-нъ.

Помолчимъ...

Свѣтлой памяти Вѣры Федоровны Коммиссаржевской.

Очевидно, всѣ хорошіе разговоры у насъ для того только, чтобы отвести глаза и себѣ и другимъ... есть только грязь, пошлость, азіатчина... Я боюсь серьезныхъ разговоровъ. Лучше помолчимъ.

Чеховъ. „Вишневый садъ“.

Да, помолчимъ! Помолчимъ!

Боже мой! Боже мой! Дѣйствительно, что мы можемъ сказать? Что мы смѣемъ говорить? Когда мы не умѣли сохранить двѣ такія жизни, какъ Чеховъ и Коммиссаржевская.

Эти двѣ души какъ драгоценные камни съ отблескомъ солнца и его переливами были посланы намъ небомъ, и мы ничего не могли сдѣлать для нихъ, ничѣмъ не могли отблаготворить.

дарить их за тот свѣтъ прекрасной радуги, которымъ они освѣщали нашу жизнь.

Мы только говорили серьезные разговоры. Мы *философствовали* — а кругомъ „грязь, пошлость, азіатчина“.

А они, чувствующие эту „пошлость и азіатчину“, плачущіе надъ ней, — они и дѣлаются ея жертвами. А мы продолжаемъ *разговаривать и философствовать*. Какъ много общаго и въ творествѣ и въ судьбѣ этихъ двухъ — такъ рано, такъ обидно рано по нашей винѣ, по нашей небрежности ушедшихъ отъ насъ людей.

И какъ много общаго и въ ихъ смерти!

Смерть! Только смерть заставляетъ иногда умолкнуть наши, пошло-многорѣчивыя философствованія, только смерть останавливаетъ на мгновенье наше ненужное, некрасивое кривленье — жизнь.

Но смерть такая бессмысленная, смерть такъ легко устранимая. — Она вызываетъ не тихую покорность Провидѣнію, а злобу возмущенія, хочется кричать, биться головой. А кругомъ „грязь, пошлость, азіатчина“.

Злобная пошлость критики гонить Чехова на Сахалинѣ, и онъ тамъ заболѣваетъ чахоткой. Тупость окружающихъ, отсутствіе средствъ заставляютъ его жить въ Ялѣ — этой большой конюшнѣ съ красивымъ видомъ.

Кто видѣлъ лицо Чехова, когда онъ выходилъ на вызовъ въ Художественномъ театрѣ при постановкѣ „Вишневаго сада“, кто видѣлъ это больное лицо, эти усталые потухшіе глаза и снисходительную улыбку, кто это видѣлъ, у тѣхъ болѣзненно сжалось сердце, и они поняли, что ему — Чехову — это не нужно, а что нужно это другимъ, которые чествуютъ его, купаясь въ лучахъ его свѣта и ослѣпленные имъ, не вѣдаютъ бо, что творять.

А тѣ, другіе? О, они вѣдали, что творили, когда сытая, откормленная пошлость прогнала ее свѣтлую, большую, большую, великую въ сравненіи съ ними — прогнала ее въ провинцію въ грязь и азіатчину.

Прогнали! Въмѣсто того, чтобы открыть передъ ней всѣ храмы, въ которыхъ они, какъ черныя ночныя птицы, свили себѣ гнѣзда и развели дѣтенышей и ими загородили доступъ воздуху и солнцу.

Они даже пустили ее сначала, не сообразивши сразу своими, тусклыми отъ окружающей ихъ вѣчной темноты, мозгами, но потомъ спохватились во- время и такъ крѣпко закупили свитой уже раньше долгими годами паутиной всѣ двери и окна, что она, сама — свѣтъ, не смогла бороться съ окружившей ее тьмой пошлости и интригъ и бросилась бѣжать изъ ихъ храмовъ. А вслѣдъ ей несло радостьное шипѣнье змѣй. Она точно предчувствовала своей чуткой душой свою гибель.

Она все сдѣлала, чтобы остаться тамъ въ Петербургѣ. Она создала свой театръ и отважно, смотря впередъ своими удивительными глазами, поплыла какъ большой корабль съ мачтами, уходящими въ облака, по злобно шипящимъ съ-рымъ волнамъ. Масса ракушекъ, улитокъ сейчасъ же пристала ко дну корабля, но онъ былъ слишкомъ великъ, чтобы они, маленькіе, могли затрудить его движеніе. И вотъ опять всплыли киты нашей критики и злобными фонтанами мелкой личной неприязни заливаютъ большой, большой корабль съ мачтами, уходящими въ небо.

Печально смотреть удивительные глаза на всю эту муть, и она бѣжитъ, бѣжитъ въ провинцію, гдѣ маленькіе сѣрые люди, не совсѣмъ еще отравленные знаменитыми критиками, плачутъ вмѣстѣ съ ней тихими покорными слезами.

О, если бы знали вы, ожирѣвшіе на казенныхъ хлѣбахъ — и въ своихъ уютныхъ комфортабельныхъ квартирахъ, такъ много говорящіе объ искусствѣ, о своей преданности ему и безкорыствѣ. О, если бы знали вы, *философствующие*, „чтобы отвести глаза и себѣ и другимъ“, если бы знали вы, съ чѣмъ приходится встрѣчаться, странствуя по провинціальной Россіи, гдѣ самое лучшее зданіе въ городѣ — тюрьма, а самое худшее — театръ съ холодными промерзшими уборными, съ угарными печами, закопченными коридорами и грязнымъ заплеваннымъ поломъ.

Если бы вы жили въ этихъ первоклассныхъ гостиницахъ съ лучшимъ номеромъ (всегда занятымъ мѣстнымъ помѣщикомъ, пріѣхавшимъ на земскіе выборы), въ которомъ стоитъ ободранный диванъ и постель такой классической грязи, что къ ней страшно прикоснуться, если бы вы все это знали!

Да, вы знали, куда прогнали ее!

И вотъ ее уже нѣтъ, вы теперь, конечно, въ горѣ, вы будете теперь говорить, что она была величайшая артистка.

А вы, извѣстные критики, напишете блестящіе некрологи и спокойно намотаете себѣ слѣдующія жертвы и будете стирать все свѣтлое, талантливое и чуткое.

Перестаньте же хоть *философствовать* и говорить громкія слова.

Перестаньте отводить глаза и себѣ и другимъ, лучше помолчимъ.

Виль.

В. Ф. Коммиссаржевская пѣтомъ на дачѣ.

Жадъ свѣжей могилой.

(Памяти В. Ф. Коммиссаржевской.)

Въ послѣдній разъ я видѣлъ В. Ф. Коммиссаржевскую около трехъ мѣсяцевъ назадъ. Передъ отъѣздомъ въ далекую угрюмую Сибирь, гдѣ ее подстерегали ледяныя объятія смерти, она выступала въ большомъ южномъ городѣ. Конечно, былъ триумфъ, были восторги, слезы, цвѣты... Но, Боже мой, какъ это мало тронуло артистку! Когда въ антрактѣ я зашелъ къ ней, задумчивая тѣнь лежала на ея лицѣ. Зашла рѣчь о планахъ на будущее, о возвращеніи въ Петербургъ, о новыхъ сценическихъ воплощеніяхъ. И я услышалъ неожиданную реплику:

— Не знаю... Боюсь, что вся моя работа — не то... Себя боюсь. Не хочу сознаться самой себѣ, но... сцена, кажется, для меня уже потеряна... Тусклѣетъ ея міражъ.

— Что вы говорите, В. Ф.? Посмотрите, сколько молодыхъ счастливыхъ минутъ переживаетъ благодаря вамъ эта толпа... Развѣ такой міражъ можетъ потускнѣть?

Она возражала съ нотками какой-то далеко внутри застывшей безпомощности въ голосъ.

М. Г. Савина.

(Къ юбилейному спектаклю въ Александр. театрѣ 23 февраля.)

— Нѣтъ, не то, не то... Сцена уже не моя жизнь. Понимаете ли,—настоящая, дѣйствительная жизнь—вотъ чему я теперь завидую, чего ужасно хочу... Только бы не было поздно... Ахъ, только бы!..

Наша бѣда оборвалась... Съ тяжелымъ настроеніемъ уходилъ я изъ театра. А молодежь—барышни съ разгорѣвшимися глазами, розовые сле опущенные гимназисты—надрывались:

— Коммиссаржевска-а-а... Браво-о-о...

На сцену летѣли бутоньерки, фуражки.

Стоялъ веселый, бодрый гулъ.

Я сейчасъ вспоминаю это прощальное признаніе Коммиссаржевской.

Она завидуетъ жизни, настоящей, а не украшенной мишуры позолотой кулисы. Она, которая ушла отъ жизни, разбившей ея личную радости, на сцену и принесла съебъ цѣлый океанъ отвергнутыхъ настоящей жизнью чувствъ и трепетаній. Для жизни оказалось ненужнымъ чуткое, какъ Эолова арфа, сердце, струны котораго дрожали отъ легчайшаго прикосновенія. Для сцены оно стало источникомъ исключительныхъ по своей тонкости вдохновеній, оно зажгло солнце красоты, брызнуло благоуханіемъ чистымъ и животворнымъ. Но жизнь—о, какой это деспотъ!—не прощаетъ, когда отъ нея уходишь. И она не простила Коммиссаржевской. Обвѣянная лучами славы и общей любви, — артистка вдругъ ощутила тоску по жизни, пусть безконечно менѣе яркой, но только не призрачной, не созданной лишь фантазіей безумца-поэта. Самый крошечный, скромный уголокъ настоящей жизни, быть можетъ, уже казался столь большимъ счастьемъ, что за него безъ сожалѣнія можно было отдать все волшебное царство грезъ.

Золотая фея готова была стать обыкновенной смертной и спуститься со своихъ заоблачныхъ высотъ въ наши унылыя равнины. Это ли не драма души, которую не передать словами? Вы, кого такъ тяготитъ сѣрая обыденность и для кого самая маленькая возможность отдаться иллюзіи сулитъ невѣдомое счастье, — поймите эту драму, почувствуйте ея ужасъ!..

* * *

И однако все, что принесла въ свой даръ театру Коммиссаржевская—всю свою скорбную чистоту, весь жаръ трепещущей души, всѣ молитвы и экстазы, — все пришло отъ этой драмы, отъ этой безвозвратной разлуки съ жизнью, которая обманула женщину и благословила на творческій путь артистку. Не будь ея—не было бы той Коммиссаржевской, которую мы всѣ сейчасъ оплакиваемъ.

Изъ двухъ дорогъ, ведущихъ въ храмъ высокаго сценическаго перевоплощенія, одна — ясно сознание отъ юныхъ дней призванія, властный зовъ внутреннего голоса, которому нельзя не повиноваться. Каковы бы ни были вѣшніе преграды, голосъ призванія въ большинствѣ случаевъ добьется своего и приведетъ артиста увѣренной, твердой поступью къ заветному алтарю. Его жертва будетъ безболѣзненной и въ радостной беззаботности, которая недаромъ казалась Шиллеру идеаломъ художническаго настроенія, станетъ онъ служить любимому дѣлу, — не затуманенный жизнью, бодрый, сильный, свободный въ своихъ творческихъ дерзаніяхъ. Но Коммиссаржевская пришла къ святилищу сцены другимъ несравненно болѣе тяжелымъ и тернистымъ путемъ — послѣ долгой борьбы съ жизнью и во имя жизни, когда мучительно раскололась безмятежная гармоничность ея духа, но зато раскрылась для широчайшей гаммы чувствованій ея душа. И поэтому, не боясь пошло-затѣженной строки изъ любой рецензіи, о Коммиссаржевской можно сказать, — она жила на сценѣ. Это не была актриса, — нѣтъ, это была отвергнутая жизнью женщина, которая создала себя на сценѣ новымъ, захватившей ея своей полнотой міръ. Она совершенно не заботилась о томъ, чтобы развить въ себѣ технику или приемы актрисы, желающей нравиться публикѣ. Она покорила публику такими приемами, которые у всякой другой исполнительницы должны были казаться въ корнѣ антихудожественными. Во всей ея манерѣ игры никогда не было ничего заученнаго, надуманнаго, заранѣе тщательно отшлифованнаго. Она была только сама собой. Повторяю, она только жила на сценѣ, и это зрѣлище оказалось полнымъ такой побѣждающей неотразимой красоты, что въ сравненіи съ нимъ возбуждали лишь снисходительную улыбку всякія ухищренія сценической техники, какъ теперь кажутся смѣшными попытки многочисленныхъ подражательницъ Коммиссаржевской воссоздать характерныя особенноти ея исполненія. Трудъ безсмысленный и напрасный: имитировать душу еще никому не удавалось.

* * *

Кто-то называлъ Коммиссаржевскую „бѣдной принцессой“. Да, такой она пришла на сцену и оставалась, несмотря на королевскія почести, которая ей воздавала толпа. Бѣдная принцесса — такая нѣжная, хрупкая, „не отъ міра сего“. Нѣжная, но строгая, неприступная. „Дикарка“, таящая въ далекой глубинѣ самая интимная, трепетная переживанія. Неутолимая печаль въ ея голосѣ то протяжнымъ и шепчущемъ, то вдругъ звенящемъ рѣзко оборванной струной. Сперва кажутся странными эти вскрики. Потомъ, когда ухо привыкаетъ, различаешь въ нихъ боль какой-то неловкости, застычивости, которую артистка словно хочетъ преодолѣть. То же и въ смѣхѣ, въ этихъ паузахъ, въ этихъ приливающихъ нитоваціяхъ. Смѣется дѣтски радостно, а потомъ самой будто стыдно, что такъ развеселилась. Такова чудная дѣвочка Роза („Бой бабочекъ“), наивная неловкая грація которой передавалась Коммиссаржевской съ такой кристальной прозрачностью, какая, вѣроятно, не снилась ни одной актрисѣ на родинѣ Зудермана. Стыдливость, робкая, но гордая стыдливость чувства — вотъ что безконечно привлекало къ артисткѣ, что звучало главной нотой въ аккордахъ ея творчества. Есть что-то свѣжее, благоухающее, какъ весеннее утро, въ этой прихвощенной отъ постороннихъ взоровъ душѣ. На лицѣ ни одного лишняго движенія мускуловъ, а какъ оно живетъ, волнуется, страдает! Пугильные глаза притягиваютъ къ себѣ своимъ упорнымъ блескомъ. Въ нихъ — сила затаеннаго порыва; въ нихъ — призывъ къ далекой тайнѣ; въ нихъ — молитва и озареніе. Такова Нора передъ уходомъ отъ мужа. Такова Маришка („Огни Ивановой ночи“) передъ разлукой съ любимымъ человекомъ. Ни гнѣни слащавой сентиментальности, свойственной только мелкимъ натурамъ. Коммиссаржевская разомъ вскрыла всю нестерпимую фальшь этой сентиментальности, какою раньше привыкли трогать со сцены нашу публику. Вскрыла — и показала настоящую красоту цѣльнаго, глубокаго, сосредоточеннаго въ себѣ чувства, которое чаруетъ и опьяняетъ своей дѣвственной неприступностью.

Ея ужъ больше нѣтъ и не будетъ съ нами. Нелѣпый капризъ случая разбилъ тонкій хрустальный сосудъ, и безъ того едва хранившій сердце, что дрожало вѣчной болью и тревогой. Безобразный недугъ съ жестокимъ злорадствомъ смялъ и изуродовалъ грустный цвѣтокъ, чья красота лила вокругъ мягкіе лучи ласки и утѣшенія. О чудесномъ и поистинѣ утѣшающемъ талантѣ безвременно угасшей артистки нужно многое сказать, чтобы заплатить хоть ничтожную дань ея свѣтлой памяти. Но сейчасъ, когда такъ свѣжа утрата, когда милый образъ съ невыразимой тоской въ потухшемъ взорѣ смотритъ на насъ оттуда, изъ черной бездны небытія, — сейчасъ нѣтъ силъ разбираться, подводить итоги... Это потомъ. А теперь только нѣсколько торопливыхъ, но настойчиво требующихъ себѣ мѣсто строчекъ. Нѣсколько набросанныхъ дрожащимъ перомъ штриховъ, пусть совѣмъ не создающихъ безконечно дорогаго облика покойной артистки, но устремляющихся къ нему всей своей взволнованной искренностью.

— Не уходи отъ насъ, не исчезай. Останься прекраснымъ призракомъ, легкимъ, тающимъ въ воздухъ видѣніемъ, далекой принцессой-грезой...

Хочется молить объ этомъ — но кого?..

В. А. Хавинъ.

Жарехый гвоздь.*)

Шелъ солдатъ путемъ-дорогою. Дошелъ до деревни. Остановился у первой же избы, постучался и попросился на ночлегъ.

Впустить-то его впустили, но въ виду того, что солдатъ былъ „москаль“, а въ избѣ жили хохлы, то встрѣча была самая холодная (сепаратисты, извѣстное дѣло!).

Присѣлъ солдатъ на скамейку — смотритъ: хозяйева ужинать собираются. Хозяйка изъ печи какія-то жирныя лепешки достаетъ (въ виду того, что это было очень давно — въ деревняхъ еще случались жирныя лепешки). У солдата съ голоду челюсти на сторону перекосило: таково вкусно эти лепешки пахнутъ. Думаетъ: „вотъ-вотъ предложить“.

Дожидайся! Какъ бы ни такъ! Ёдятъ хохлы лепешки, а на солдата — ноль вниманія! Вдохнулъ солдатъ и ну у себя въ ранцѣ рыться. Роемся, а самъ подъ носъ себѣ бормочетъ:

— Ишь ты! Да куда же это онъ запропастился, кормилецъ мой?

Прислушиваются хохлы: какой, дескать, такой кормилецъ у солдата въ ранцѣ запрятанъ?

И наконецъ-то вотъ! Нашелъ! Вытащилъ солдатъ изъ ранца — гвоздь.

— Дывытеся, — шепчетъ бабуся за столомъ. — Какой москаль дурній! Простой гвоздь — кормильцемъ называется.

Но солдатъ вовсе не глупъ былъ, а даже, напротивъ, очень смѣливъ. Вынулъ онъ это гвоздь, обтеръ его, погладилъ, да такъ вѣжливово спрашиваетъ:

— А что, хозяйюлка, не будетъ ли у васъ часомъ свободной сковородки?

— А на что тебѣ?

— Да вотъ, поджарить бы надо!

— Кого?

— Да вотъ гвоздь.

— Гвоздь?

И бабуся опять шепчетъ:

— Дывытеся якій дурень! Гвоздь жарить хочетъ! Но сковородку дали.

Солдаль поставилъ ее на огонь, раскалилъ и гвоздь на нее положилъ. Хохлы даже лепешки ѣсть перестали: дивятся — что дальше будетъ?

Жарить солдатъ гвоздь и приговариваетъ:

— Эхъ, и вкусно же будетъ! Только вотъ ежели бы кусочекъ маслица!

Встала молодуха, отколупнула пальцемъ масла и швырнула солдату на сковороду. Зашипѣло масло, духъ пошелъ. Спрашиваютъ хохлы:

— Да неужто жъ вкусно будетъ?

— Еще какъ вкусно-то! Конечно, если бъ сюда еще кислой капустки прибавить!

Дали и капустки. Заворчала капуста въ маслѣ, духъ сталъ еще пріятнѣе.

— Дывытеся! — шепчетъ бабуся.

Молодуха уже сама спрашиваетъ:

— Еще чего не надо ли?

— Да чего еще? Конечно, если бы еще колечко колбаски, такъ и дѣлу конецъ.

Принесли и колбаску (давно это было, повторяю, въ деревняхъ еще водилась колбаска). Ароматъ по избѣ пошелъ невообразимый! А солдатъ, знай, колбаску переворачиваетъ, да капустку помѣшиваетъ. Да ужъ самъ говоритъ:

— Перчику бы теперь, да сольцы, да мучки!

И хохлы все это ему тащатъ, а про свои лепешки такъ и забыли.

Прошло съ полчаса времени, снялъ солдатъ сковородку съ огня, присѣлъ къ столу, помолился, да и говоритъ:

— А ну-ка я теперь моимъ гвоздемъ поужинаю! Только вотъ безъ хлѣба несподручно какъ-то!

М. В. Бочаровъ.

(Къ 10-лѣтію артистической дѣятельности.)

Отрѣзали и хлѣба ему (былъ еще тогда хлѣбъ-то). Ужинаетъ солдатъ, а хохлы стоятъ, смотрятъ и только слюну глотаютъ.

Очистилъ москаль сковородку наголо: одинъ гвоздь остался. Снялъ онъ этотъ гвоздь, обтеръ его рушникомъ и обратно въ ранецъ спряталъ.

А бабуся знай себѣ шепчетъ:

— Дывытеся! Дывытеся!

Это только присказка, а сказка будетъ впереди.

Десять лѣтъ тому назадъ родился въ Москвѣ новый Художественный театръ, во главѣ котораго стали Станиславскій и Влад. Немировичъ-Данченко. И стали они пьесы ставить. И ставили пьесы хорошія, глубокія, умныя и талантливыя.

Но такъ какъ и другіе всѣ эти же пьесы ставили, то захотѣлось имъ чѣмъ-нибудь отъ другихъ выдѣлиться. Другіе — актерами берутъ, а они говорятъ: „Намъ особаго актера и не надо. Мы, говорятъ, обстановочкой возьмемъ. Натуральный дождь пустимъ. Живого сверчка кричать заставимъ“.

Дальше-больше уходили они въ эту обстановочку и дошли, наконецъ, до того, что и на пьесы рукой махнули.

— Яйца, — говорятъ, — въ смятку поставимъ и этимъ всѣхъ удивимъ.

И дѣйствительно поставили: сахаръ, тѣсто, вода, яйца въ смятку — все на сцену вывели.

А бабуся сидитъ да шепчетъ:

— Дывытеся, якъ натурально! Скорлупка — то на яйцѣ совсѣмъ настоящая! Даже куриной невѣжливостью попачкано!

Ну, а тамъ пошли, конечно, и солдатскіе гвозди жарить: положить на сковородку гвоздь, да и ну, къ нему всякія приправы прибавлять: и колбаски, и капустки, и мучки, и сольца. Смотришь, ужъ не гвоздь,

*) Редакція, помѣщая интересную статью В. А. Тихонова, считаетъ долгомъ заявить, что она далеко не во всемъ согласна съ почтеннымъ авторомъ.

А. И. Южинъ.

Шаржъ А. Тарскаго.

а настоящій „бигосъ“ вышелъ.

И стали такія произведенія прямо-таки „гвоздемъ сезона“ называться.

Возревновали сему и провинціальныя антрепренеры: чѣмъ мы, говорятъ, хуже ихъ? Мы тоже нашей публикѣ „гвоздь“ поднесемъ!

Ну, конечно, гвоздь раздобыть нетрудно — копейка ему цѣна, но на счетъ приправы — дѣло плохо пошло. Колбаски бы надо, салца, да капуста, а денегъ-то на это — нѣтъ. Жарятъ гвоздь безъ приправы, развѣ одной мучки подсыпять, а публика сидитъ да ропщеть:

— Что это, — говоритъ, — какъ паленымъ пахнетъ?

И носъ воротитъ. И въ театръ итти не хочетъ.

Антрепренеры лопаются, жалостныя телеграммы шлютъ:

— Нѣтъ ли какого другого гвоздя?

Но и другіе гвозди, какъ гвозди: безъ приправы — все не кушанье.

Свѣдущіе люди стараются растолковать публикѣ:

— Помилуйте! Это самое настоящее и есть! Последнее, говорятъ, слово человѣческой мысли!

А публика — все свое:

— Нѣтъ, — говоритъ, — прежде наши лепешки вкуснѣе были и съ приправой ли, безъ приправы ли, а все же онѣ — лепешки, стало быть, пища...

Теперь — „кромѣ шутокъ“.

Увлеченіе „обстановочкой“ приняло у насъ какіе-то невѣроятныя, прямо фантастическіе размѣры. Дошло дѣло до того, что стали пьесы „въ тонахъ“ ставить: шоколадныхъ, въ кофейныхъ, въ малиновыхъ...

А почему такъ? Подите-ка, спросите! Ни за что не скажутъ! Наговорятъ — что хотите, а настоящаго не скажутъ.

А я вотъ скажу!

Конкуренція.

Надо же чѣмъ-нибудь выдѣлиться. Труппа у него слабенькая, ну и пр... Публика — то, пожалуй, и смотреть не пойдетъ. Ну, а если пустить „коричневые тона“, все коричневое: и воротнички коричневые, и манжетки, и лица у актеровъ коричневые, и вода въ графинахъ коричневая, — ну, оно и занятно. Въ публикѣ-то говоръ пойдетъ:

— А ну-ка, пойдѣмъ, посмотримъ, что это за коричневое такое?

Смотришь, сборовъ десятокъ и набѣжить на коричневое-то.

— А какова пьеса?

— Да не все ли равно?

— А каковы актеры?

— Да за коричневыми-то и незамѣтно.

Вотъ она въ чемъ штука-то. Не пьесы и не актеры теперь играютъ роль въ театрахъ, а „обстановочка-съ“.

А для провинціального антрепренера это прямой зарѣзъ. Публика (не рецензенты ли?) требуетъ — поддай имъ репертуаръ столичныхъ театровъ! А что подѣлаешь, когда въ этомъ репертуарѣ сплошь „гвозди“. И безъ коричневой приправы никакого въ нихъ вкуса нѣтъ. А приправа на одну такую пьесу, смотришь, бюджетъ цѣлаго мѣсяца поглотила. Вотъ вамъ и крахи! Вотъ вамъ и провалы!

А современный драматургъ тоже народъ хитрый пошелъ, и это увлеченіе „обстановочкой“ тоже весьма учитываетъ и уже не пьесы пишутъ, а одни только ремарки къ ней. Возьмутъ идейку короче воробынаго носа и всю ее въ ремарки, какъ въ кружева, закутаютъ. Такого нагородятъ, что прямо бѣда! Столичному антрепренеру, у котораго конкуренція на носу это, конечно, на руку. Выдумщика-режиссера позоветъ,

— Давай, — говоритъ, — обмозгуемъ дѣло.

И обмозговываютъ.

Одинъ выдумаетъ, что пьесу надо на одной плоскости играть; другой, — чтобы дѣйствующія лица на сцену не выходили, а только въ дырочки свои носы показывали; третій — коричневый тонъ пустить; четвер-

К. Н. Незлобинъ.

Шаржъ И. Милюткина.

тый — яйца въ скорлупѣ поднесеть.

— А пьеса?

— Да что пьеса? Пьеса только предлогъ.

— А актеры?

— А что актеры? Они только средство.

Жаловался мнѣ недавно одинъ старый актеръ:

— Тяжело, — говорить, — приходится. Въ современныхъ пьесахъ нужно все „мимо смысла“ играть. Говорить по-человѣчески разучишься!

И драматурги теперь превратились въ либретистовъ.

Гёте написалъ Фауста. Великое, безсмертное произведение! Захотѣлось Гуно оперу сочинить. Понравилась ему легенда о Фаустѣ. Позвалъ либретиста, далъ ему гётевскаго Фауста и говорить:

— Искальчивай!

Тотъ искальчилъ до неузнаваемости. Но музыка Гуно—удалась. И если нельзя ее назвать великой и безсмертной, то во всякомъ случаѣ—вещь большая и многолѣтняя. Такъ всѣ и говорятъ: Опера „Фаустъ“ Гуно, а кто такой либретистъ—никому неинтересно.

Нашелся второй композиторъ. Этому захотѣлось Фауста плясать заставить. Нашелъ либретиста. Тотъ уже весь смыслъ вытравилъ. И пошелъ Фаустъ ногами дрыгать. Пошелъ онъ съ Маргаритой—*pas de deux* выдѣлывать, а съ Мефистофелемъ да съ Мартой—*pas de quatre*. Получился балетъ „Фаустъ“. Балетоманы навѣрное знаютъ фамиліи и композитора, и балетмейстера, но либретиста—врядъ ли. Да, можетъ, и либретиста-то никакого не было.

Но и опера „Фаустъ“ и балетъ „Фаустъ“ литературнымъ произведеніемъ отнюдь не считаются, и либретисты ихъ къ лику драматурговъ не сопричислены.

А вотъ, современные драматурги, тоже сплошь да рядомъ либретто сочиняющіе, претендуютъ на сіе званіе и не безъ пользы для себя его учитываютъ.

Я бы ничего не имѣлъ противъ того, чтобы они назывались „сочинителями зрѣлищ“, но при чемъ тутъ литература, если весь смыслъ ихъ произведеній въ кораблекрушеніяхъ да землетрясеніяхъ? Ихъ работа—только изъ ранца гвоздь достать, а ужъ солдаты-режиссеры у декоратора капустки попросить, у машиниста—солицы; у электротехника—колбаски.

Но драматическій театръ, *настоящій* драматическій театръ, столичный или провинціальный, долженъ быть чуждъ такихъ „гвоздей“ и не забывать, что главное для него—пьеса и актеръ, т. е. мысль чело-вѣческая и ея воплощеніе, а не инсценированье всякой бессмыслицы. Это дѣло балагана, цирка и т. д.

Не подумайте, что я противъ хорошей обстановки. Боже сохрани! Какъ бы пріятно было посмотрѣть и Шекспира, и Гёте, и Шиллера, и Пушкина, и Гоголя, и Грибоѣдова, и Островскаго,—въ прекрасной, соответствующей обстановкѣ, т. е. прежде всего въ исполненіи вдумчивыхъ и талантливыхъ актеровъ, затѣмъ, въ декораціяхъ, строго соответствующихъ эпохѣ, природѣ и мѣсту дѣйствія.

Но Боже сохрани позволять себѣ трактовать эти пьесы въ какихъ-нибудь голубыхъ или коричневыхъ тонахъ! Боже сохрани *заглушать* слова дѣйствующихъ лицъ какими-нибудь посторонними, хотя бы и эффектными шумами (громомъ, дождемъ, вѣтромъ, музыкой). Боже сохрани заслонять актера режиссерскими выдумками.

Да, при такихъ условіяхъ хорошая постановка, конечно, только желательна. И наши антрепренеры начали было стремиться къ ней, но увлеченіе разными „стилизациями“, да ненужными эффектами выбило ихъ изъ нормальной колеи.

И увлеченіе это принесло великое зло: 1) создало драматурговъ-либретистовъ и отодвинуло назадъ настоящую литературу; 2) портитъ и развращаетъ совре-

Малый театр. „Женитьба Фигаро“.

О. В. Гзовская — Керубино.

Набросокъ И. Малютина.

меннаго актера, приучая его играть „мимо смысла“, а въ 3) дѣлаетъ театральныя предпріятія неустойчивыми, вноситъ въ нихъ нежелательный азартъ и сплошь да рядомъ разоряетъ антрепренеровъ.

Да и публику, понижая ея литературный вкусъ, приучаетъ смотрѣть на театръ уже не съ прежнимъ уваженіемъ, не какъ на школу или храмъ искусства, не какъ на любимую книгу, иллюстрированную вдохновенной игрой артистовъ, а какъ на какую-то ловкую механику, гдѣ все вниманіе зрителя поглощено разными фокусами. Недаромъ же теперь кинематографъ забиваетъ въ лоскъ наши театры.

Пусть богатые театры обставляютъ со всевозможной тщательностью пьесы дѣйствительно большаго литературнаго достоинства. Для бѣдныхъ театровъ эти же пьесы и безъ богатой обстановки сослужатъ свою добрую службу. Поджаривать же солдатскіе гвозди затѣя въ всѣхъ смыслахъ непохвальная.

Боюсь пророчествовать, но сдается мнѣ, что дѣло оздоровленія нашего театра не за горами. Недаромъ же московскій Художественный театръ, какъ слышно, намѣренъ возвратиться отъ „Синихъ птицъ“ и прочихъ жареныхъ гвоздей къ Островскому, котораго безъ *актера* на одномъ машинистѣ да декораторѣ, какъ ни старайся, а не разыграешь.

Въ добрый часъ! И да будетъ хорошій примѣръ заразителенъ.

И кто знаетъ?—Возвращеніе къ пьесѣ и къ актеру, можетъ быть, да и не можетъ быть, а навѣрное вызоветъ появленіе и хорошихъ новыхъ пьесъ и талантливыхъ актеровъ.

Влад. Тихоновъ.

Москва.

Дирекция Большого театра на покрытие вечеровых расходов по парадному спектаклю в пользу пострадавших от наводнения парижав отчислила всего 400 руб. Таким образом, этот спектакль дал в пользу парижан 9,382 р. 40 коп., не считая выручки от продажи цветов и программ на сумму около 2 тыс. рублей.

— Наднях праздновал 25-лѣтіе дѣятельности суфлеръ оперной труппы Большого театра, В. П. Овчинниковъ. Въ 1885 г. онъ поступилъ въ оперу хористомъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ перешелъ въ украинскую труппу Кропивницкаго на амилуа простака. Въ 1894 г. онъ возвратился въ оперу въ качествѣ тенора на характерныя партіи и суфлера. Съ 1903 г. занимаетъ мѣсто главнаго суфлера Большого театра. Въ 1906 г. имъ основанъ московскій украинскій музыкально-драматическій кружокъ — „Громада“.

В. П. написали нѣсколько пьесъ на малорусскомъ языкѣ. Г. Овчинниковъ уклонился отъ празднованія 25-лѣтія.

— Ю. П. Померанцевъ дирижируетъ 21 февраля въ Большомъ театрѣ балетомъ „Спящая красавица“. Спектакль этотъ является дебютнымъ для молодого дирижера, и въ случаѣ удачнаго исполненія г. Померанцевъ будетъ зачисленъ вторымъ дирижеромъ балета.

— Въ будущемъ сезонѣ въ Маломъ театрѣ вводится „классическіе утренники“ по примѣру Александринскаго театра, въ Петербургѣ, гдѣ они, явившись однимъ изъ нововведеній этого сезона, уже завоевали крупный успѣхъ. Утренники будутъ устраиваться исключительно для учащагося юношества. Репертуаръ — изъ классиковъ русскою и западно-европейскою драматическою литературою.

— О. В. Гзовская, покидающая съ будущаго сезона сцену Малаго театра, получила предложеніе отъ А. С. Суворина служить въ Петербургѣ въ его театрѣ.

— Съ первой недѣли поста въ Маломъ театрѣ приступятъ къ репетиціямъ пьесъ „Очагъ“ и „Путаница“. Ставить пьесы С. В. Айдаровъ.

— Приѣхалъ долгожданный Гордонъ Крэгъ. Прямо съ вокзала встрѣчавшій англійскаго режиссера г. Суллержицкій отвезъ его въ гостилицу.

Для строгой проверки, удачны ли макеты къ „Гамлету“, въ Художественномъ театрѣ устроена модель большой сцены въ масштабъ 1/16.

На этой модели и будутъ испытываться макеты въ отношеніи соразмѣрности ихъ частей, общаго впечатлѣнія и т. д.

— Наряду съ работами по подготовкѣ „Гамлета“, послѣдними репетиціями „На всякаго мудреца довольно простоты“ — въ разгарѣ и репетиціи „Miserere“, хотя эта пьеса пойдетъ только въ будущемъ сезонѣ.

— Гордонъ Крэгъ привезъ для „капустника“ въ Художественномъ театрѣ интересныя номера, который будутъ исполнены имъ самимъ, Станиславскимъ и Вишневымъ. По отзыву одного изъ исполнителей, номеръ этотъ представляетъ

невиданный до сихъ поръ въ Москвѣ трюкъ. „Прекрасной Еленой“, идущей въ исполненіи артистовъ Художественнаго театра, будетъ дирижировать Вл. И. Немировичъ-Данченко. Метръ-д'отелемъ кабаре будетъ г. Вишневецкій, а „половыми“ десять артистовъ Художественнаго театра. Всѣ 270 билетовъ по 25 руб. уже распроданы.

— Бенефисъ премьера „Эрмитажной“ оперетты, И. Ф. Мопахова, собралъ большое количество публики. Сборъ около 4000 рублей. Бенефициантъ, выступившій въ возобновленной опереттѣ „Крестыничка“, былъ встрѣченъ шумными привѣтствіями всего зала и получилъ много цѣнныхъ и цвѣточныхъ подношеній. Особенный успѣхъ выпалъ на долю бенефицианта — В. М. Шуваловой за танцы во второмъ актѣ.

— Бенефисъ А. В. Пиккока, тенора оперы Звѣзды, назначенъ въ субботу, 20 февраля. Идетъ „Майская ночь“.

— Гастролъ г-жи Гзовской въ Петербургѣ въ консерваторіи начнется съ 1-го мая. Въ составъ труппы ея гастролѣй вошли артисты Малаго театра гг. Бравичъ и Худолеевъ, артисты театра Корина гг. Борисовъ и Ашанинъ. Режиссеромъ приглашенъ г. Кондратьевъ.

— Управляющій бюро Н. Д. Красовъ получилъ телеграмму отъ саратовскаго цитрепера г. Струйскаго, въ которой тотъ сообщаетъ: „Всѣ три труппы, находящіяся въ Саратовѣ, въ виду запрещенія духовенствомъ служить панихиду по В. Ф. Комиссаржевской, пригласили лютеранскаго пастора“.

— Въ Самарѣ на сценѣ, во время исполненія оперы „Самсонъ и Далила“, въ послѣдней картинѣ разрушенія храма, тяжело раненъ артистъ Севастьяновъ.

— Артистка О. Д. Орликъ сняла въ Сумахъ новый лѣтній театр. Дѣло обѣщаетъ быть интереснымъ. Г-жа Орликъ подбираетъ сильный составъ труппы, режиссера съ художественной инициативой и заручилась согласіемъ нѣкоторыхъ авторовъ лично руководить постановкой своихъ пьесъ въ Сумахъ. Администраторомъ приглашенъ П. А. Рудинъ, бывшій управляющій труппой В. Ф. Комиссаржевской.

Ведутся переговоры съ режиссеромъ Загаровымъ и нѣкоторыми крупными актерами. Изъ жевскаго персонала пока вошли въ составъ труппы: г-жа Евенкая, Аносова, Тиръ, Азанирова, Виренсъ.

Г-жа Орликъ ѣдетъ въ Петербургъ для переговоровъ съ авторами и актерами.

— Сообщаютъ изъ Томска, что сюда прибыли артисты прекратившейся красноярской оперы. Виновникомъ краха считаютъ баритона Борисова. Оркестръ и хоръ находятся въ очень бѣдственномъ положеніи.

Къ кончинѣ В. Ф. Комиссаржевской.

17-го февраля, въ 5 ч. 35 м. дня, прибыло въ Москву изъ Рязанскій вокзалъ тѣло Вѣры Федоровны Комиссаржевской. По прибытіи поѣзда была отслужена краткая литія, послѣ которой гробъ на рукахъ былъ перенесенъ на Николаевскій вокзалъ, гдѣ былъ приготовленъ въ концѣ пути для приходящихъ поѣздовъ траурный вагонъ. Здѣсь были возложены вѣнки и отслужена панихида. Въ 9 ч. 20 м. вечера вагонъ съ прахомъ покойной былъ прицепленъ къ поѣзду, отошедшему въ Петербургъ.

Въ засѣданіи дирекціи московскаго Литературно-Художественнаго кружка, происходившемъ 16 февраля сего года, единогласно постановлено:

„Въ виду ясно выраженнаго въ послѣдніе дни желанія, чтобы памятнику на могилѣ славной русской актрисы, Вѣры Федоровны Комиссаржевской, былъ воздвигнутъ на средства самого русскаго общества, собранныя путемъ всеобщей лодниски, — дирекція литературно-художественнаго кружка рѣшила взять на себя открытіе такой подписки и сборъ средствъ, а ранно и заботы о самой постановкѣ памятника на дорогую всему артистическому и театральному міру могилѣ. Съ этою, послѣднею цѣлью образованъ особый комитетъ и приглашены къ участію въ немъ представителей театровъ, художественныхъ учрежденій, а также семьи почившей Вѣры Федоровны“.

Доводи о тѣломъ постановленіи до всеобщаго свѣдѣнія, дирекція литературно-художественнаго кружка проситъ всѣхъ, кто пожелалъ бы принять участіе въ дѣлѣ постановки намогильнаго памятника В. Ф. Комиссаржевской, направлять свои взносы въ контору кружка (Москва, Б. Дмитровка, д. Востриковыхъ, литературно-художественный кружокъ).

Подробный отчетъ о всѣхъ поступающихъ и израсходованныхъ суммахъ будетъ печататься въ распространенныхъ газетахъ Москвы и Петербурга.

Дирекція увѣрена, что ей призвытъ найдеть живой отзывъ въ русскомъ обществѣ, съ такою глубокою скорбью встрѣтившемъ всѣмъ о безвременной кончинѣ В. Ф. Комиссаржевской.

Предсѣдатель дирекціи Валерій Брюсовъ.

Театръ Корша. „Мирра Эфросъ“.

Б. С. Борисовъ — Нухимъ.

Опера въ Монте-Карло.

Ф. И. Шаляпинъ въ „Донъ-Кихотъ“ Массенэ.

Траурное утро въ Художественномъ театрѣ.

Совершенно въ необычной для нас обстановкѣ помнятъ 13 февраля память В. Ф. Коммиссаржевской московскій Художественный театр, руководители котораго, какъ чуткіе, умные люди, всегда находятъ прекрасныя, трогательныя, глубоко захватывающія формы для выраженія радостнаго настроенія и для выраженія глубокой скорби, которая, какъ въ давномъ случаѣ, охватила всѣхъ, кому дорого русское искусство.

Въ фойѣ театра на стѣнѣ, задрапированной чернымъ, красовался прекрасный портретъ Коммиссаржевской изъ Художественнаго кружка; у его подножья огромный снопокъ изъ живыхъ цвѣтовъ и пальмовыхъ вѣтвей. Букетъ цвѣтовъ былъ воткнутъ еще рядомъ съ портретомъ на стѣнѣ. Возвышеніе, столъ и ряды стульевъ. Присутствовали почти исключительно артисты всѣхъ московскихъ драматическихъ театровъ, которымъ только и разсылались приглашенія, и это давало настроеніе интимности. Присутствовали, конечно, представители прессы, всѣ московскіе театральные критики и изъ драматурговъ П. Д. Боборыкинъ и И. В. Шпагинскій.

— Дорогие друзья, — обращается В. И. Немировичъ-Данченко къ собравшимся. — Разрѣшите такое обращеніе, болѣе соответствующее людямъ одной профессіи, объединеннымъ одной глубокой скорбью, охватившей насъ. Давно уже требовалось соединеніе въ одну семью представителей драматическихъ театровъ въ дни постигающихъ театр скорбей не только для молитвы, но и для воспоминаній. Это будетъ и первый опытъ гражданской панихиды. Тутъ лѣтъ протеста противъ лицъ, отъ которыхъ зависитъ теченіе нашего дня. Правда, мы получили отказъ отслужить панихиду по В. Ф. Коммиссаржевской, потому что въ театрахъ панихиды запрещены. Въ Театральномъ Обществѣ служили панихиды, въ театральномъ училищѣ ее будутъ служить сегодня, а въ театрѣ, для котораго существуютъ эти учрежденія, панихиды быть не можетъ. Но наше сердечное настроеніе не таково, чтобы протестовать противъ порядковъ, которыхъ мы не повиновались. Мы протестуемъ только противъ рока, который вырвалъ изъ среды насъ одинъ изъ выдающихся талантовъ, свѣточъ искусства, освѣщавшій это искусство, одивъ изъ тѣхъ громадныхъ талантовъ, творчество котораго въ тайнахъ природы, освѣщавшаго путь намъ и насъ самихъ. Обаяніе этого таланта было не только въ томъ, что онъ привлекалъ людей, но главнымъ образомъ въ томъ, что онъ утверждалъ въ насъ вѣру, что наше дѣло не только прекрасное ремесло, но и божественный даръ. Страшно, когда такой талантъ вырывается изъ нашей среды и, когда мы знаемъ, что такихъ свѣточей немного, мы должны особенно остро чувствовать это.

В. И. приглашаетъ присутствующихъ прежде всего провозгласить вѣчную память Коммиссаржевской. Всѣ встаютъ съ своихъ мѣстъ, и хоръ трогательно поетъ „вѣчную память“. Молитвенное настроеніе varастаетъ въ залѣ. У многихъ на глазахъ слезы. Всѣ подавлены глубокой скорбью.

Программы дальнѣйшаго итѣя и В. П. Немировичъ-Данченко предлагаетъ желающимъ высказаться.

Первымъ занимаетъ кафедру маститый П. Д. Боборыкинъ. Онъ говоритъ, что въ В. Ф. Коммиссаржевской была осуществлена мечта видѣть на сценѣ молодую женщину прямо изъ жизни, принесеную въ театръ комплексъ личныхъ испытаній и подчасъ очень горькихъ. Она являлась типичнымъ выраженіемъ трепетной женской души и общественной физиономіи русской женщины на рубежѣ двухъ вѣковъ. И вѣдо желать, чтобы русскій театръ постоянно обновлялся такими самородками, выхваченными изъ жизни.

Кн. А. И. Сумбатовъ воспользовался словомъ, чтобы очертить культурную роль русскаго актера. Голодъ, нужда, пѣлес хожденіе русскаго актера во мѣшали ему вносить струю красоты, свободы, правды, истивы. Стоить только посмотреть, гдѣ умерла Коммиссаржевская, чтобы понять, какой культурный путь совершилъ немущимъ, часто увиженнымъ и голоднымъ русскимъ актеромъ. Эта слишкомъ страшная безмысленная смерть, чтобы въ память этой тяжелой утраты каждый не носилъ въ душѣ миссію русскаго актера, которую съ такой полнотой воплощалъ нашъ усопшій гениальный товарищъ.

Трогательное слово посвящаетъ Вѣрѣ Федоровнѣ Н. Г. Эфросъ, который говоритъ о Коммиссаржевской какъ о чело-вѣкѣ. Онъ протестуетъ противъ ходячаго и невѣрнаго мнѣнія, будто для безпристрастія театальной критики между ней и актеромъ должна быть стѣна. Когда пишутъ о театрѣ, это дѣло слишкомъ дорого, и нужно очень мало вѣры въ себя, чтобы, подойдя къ актеру, какъ къ чело-вѣку, утратить безпристрастіе. Ораторъ цитируетъ письмо В. Ф., съ которой его связывали узы дружбы.

— Я никогда не умѣла, — писала Коммиссаржевская, — жить настоящимъ. Я живу только будущимъ. Въ этомъ великая моя трагедія, но и великое мое счастье.

Такъ въ терзавіяхъ, невидимыхъ для постороннихъ, протекала ея жизнь, жизнь, окончившаяся великимъ концомъ, имѣвшимъ мѣсто въ Ташкентѣ. Ораторъ призываетъ сохранить въ тайникѣ сердца воспоминаніе о чело-вѣкѣ, объ одномъ изъ лучшихъ людей, какіе создавала наша великая русская дѣйствительность.

С. В. Потресовъ-Яблоновскій отказывается примириться съ мыслью, что Коммиссаржевская умерла и выражаетъ пожеланіе, чтобы она жила въ нашихъ думахъ живая и великая...

О первыхъ шагахъ сценической дѣятельности Коммиссаржевской въ Новочеркасскѣ талантливо и красиво говорилъ Н. В. Туркинъ. Обращаясь къ характеристикѣ Коммиссаржевской, онъ сказалъ, что за 15 лѣтъ сценической дѣятельности Коммиссаржевской русская сцена прошла длинный путь отъ Виктора Крылова до Леопида Авдреева, отъ реализма до всѣхъ новѣйшихъ теченій въ искусствѣ, каждый изъ этихъ этаповъ требовалъ своихъ артистовъ и своихъ приемовъ. В. Ф. прошла всѣ и не дала поработить себя. Въ лицѣ Вѣры Федоровны смерть похитила самую прекрасную носительницу идеи

В. П. Овчинниковъ.

(Къ 25-лѣтію сценической дѣятельности.)

Опера С. И. Зимина.

„Мазепа“.

6-я картина.

о грядущем театре. Коммиссаржевская основала свой театр, но она не дождалась для этого театра своего писателя. Однако же все, что было дано в этом театре, говорило о вседневном потоке. Коммиссаржевская хотела уйти из театра, потому что вѣтъ для нея пьесы, нечего играть, и она вернулась бы, когда для нея театра явился бы писатель. Как прежде люди в предчувствии нового Бога молились повѣдомому существу, так в Коммиссаржевской чувствовался новый театр, и хорошо бы передать эти чувства будущим поколѣніямъ, чтобы они добились того, чего не достигли мы.

Стихотвореніемъ (помѣщеннымъ въ 7 номерѣ „Рампы и Жизни“) Лоло, съ чувствомъ прочитаннымъ г. Адашевымъ, закончилось трогательно-печальное торжество. Собравшимся былъ предложенъ чай въ верхнемъ фойе. По предложенію В. И. Немровича-Данченко посланы телеграммы Ф. Ф. Коммиссаржевскому, брату артистки, съ выраженіемъ глубокаго соболѣзнованія и оставшимся въ Ташкентѣ больнымъ оспой артистамъ съ пожеланіемъ скорѣйшаго выздоровленія.

Малый театр. „Женитьба Фигаро“ идетъ въ Маломъ театре прелестно.

Сама пьеса такъ остроумна, такъ поэтична; въ ней столько солнца, южнаго молодого веселья.

Кажется, что она написана только вчера.

Поставлена пьеса въ красивыхъ, стильныхъ декорацияхъ, съ прекрасными костюмами любовно, стильно.

Играютъ ее очень мило.

Г. Южнѣ и Враничъ трактуютъ Фигаро разное, но оба очень интересно.

Прелестна г-жа Гзовская.

Вообще хорошій, свѣтлый спектакль.

Подробности отлагаемъ до слѣдующаго номера.

Театръ Незлобина. Послѣдній вечеръ новинки въ театре Незлобина не удался.

Впечатлѣніе получилось самое сѣрое, и при этомъ еще сумбурное.

Публика рѣзко раскололась и на ряду съ восторженными аплодисментами адештовъ Сологуба слышалось и шипѣніе.

И та часть публики, которая шипѣла, пришла изъ такое оппозиціонное настроеніе, что заодно съ Сологубомъ пошнила и Авуницю за его „Сонъ осенняго вечера“.

Въ сущности такое поведеніе публики необъяснимо—при всѣхъ дефектахъ такого отношенія спектакль не заслуживалъ.

Не заслуживаетъ свистка и пьеса Сологуба.

Правда это не блестящая вещь, и у этого талантливейшаго и глубочайшаго писателя это одна изъ блѣдныхъ страницекъ.

Но какъ со вкусомъ стилизованное, умѣло рассказанное средневѣковое сказаніе, отъ котораго вѣтъ подлиннымъ суровымъ средневѣковьемъ, какъ все же глубокая и сильная

трагедія страстей, это и занимательно да мѣстами и захватываетъ.

И, если брать пьесу просто какъ легенду о служанкѣ Альгистѣ, которая подмѣнила собой уродливую жену короля Хлодовега въ брачную ночь и прожила съ королемъ счастливо 10 лѣтъ, а потомъ была уличена и засѣчена, несмотря на красоту и любовь—легенду въ стилѣ Анатолія Франса—то пьеса имѣетъ свой *raison d'être*.

Но, съ одной стороны, самъ Сологубъ и его послѣдователи хотѣтъ видѣть страшное, зловѣщее заклинаніе надъ жизнью и потому встаютъ мертвецы изъ гроба и третій актъ звучитъ какъ апофеозъ смерти—избавительницы, прохладнаго „сквозняка“, въ которомъ спасеніе отъ жизни—„бабищи румяной и дебели“.

А съ другой,—публика сама не хочетъ подходить просто къ Сологубу и ищетъ кошмаровъ и „шарадъ“.

Получается раздвоенность, хаосъ.

И этотъ же хаосъ и въ постановкѣ.

Внѣшность въ стилѣ пресловутой Мейерхольдовщины—барельефы, „статуарность“, „талый звукъ“ или попросту вываиваніе.

Рыцари и служанки ходятъ, какъ никто не ходитъ, съ вывороченными руками.

Темъ очень затянута въ 1-мъ актѣ, декорация стильно и остроумно скомпавована, но надоедаетъ. Пьесу надо оживить извнѣ.

Но исполненіе мѣстами не только не оторвано отъ быта, времени и мѣста, но и не выходитъ за рамки „исторической“ бытовой пьесы.

Г-жа Васильева, напр., отлично играетъ, съ чувствомъ, съ захватомъ, но это просто страдающая мать безъ всякаго волшебства.

Г-жѣ Вульфъ, наоборотъ, лучше удаются мистическія мѣста 3 акта, когда мертвая Альгиста зоветъ за собой Хлодовега.

Но въ цѣломъ у артистки не хватаетъ силъ и голоса для этой огромной роли, для которой нужно гениальное дарованіе.

И слѣшкомъ много декламаций.

У г-жи Лилиной есть характерность.

Красивую фигуру, стильную даетъ г. Максимовъ.

Характерно играетъ короля г. Чаргонинъ, у него хорошо схвачено суровое средневѣковье.

Рыцари и пажы старались.

Но въ общемъ дебютъ г. Сологуба въ костюмѣ алхимика и въ колпакѣ мага не удался.

Поставленная въ заключеніе пьеса Ануницю „Сонъ осенняго вечера“ вся проникнута трепетомъ страсти.

Это послѣдній аккордъ драмы, красивый, сильный аккордъ.

Очень красива здѣсь декорация—золотая осень, кровавый закатъ и на немъ фигура Догарессы.

Г-жа Рощина-Исарова играла несколько однолито — в одну ноту.

У ней были очень яркие моменты, но пламон, безумия, вакханалии, страсти не было.

Окружающая ее девушка все играла в разный тон.

Были значительный диссонансы, и впечатлительные пропадали.

Во общем, конечно, неудачный спектакль. Но если сравнить это с тем, что бывает у Корша, то, конечно, и это покажется весьма значительным.

Ян. Львовъ.

Концертъ филармонического Общества.

На 7-мъ симфоническомъ концертѣ Филармонического Общества (13 февраля) впервые послѣ возвращенія изъ-за границы выступилъ С. В. Рахманиновъ, доставившій слушателямъ высочайшее наслажденіе безподобнымъ исполненіемъ своего дивнаго 2-го фортепианнаго концерта. Вслѣдствіе какой-то случайности, программу концерта не удалось украсить новымъ произведеніемъ (3-й концертъ), нашего талантливаго композитора, но и „старый“ концертъ въ исполненіи автора сдѣлалъ концертъ событіемъ. Оркестровые номера программы отличались несомнѣнной свѣжестью и отчасти новизной, но первокассной музыки среди нихъ не было. Очаровательной картинкой оказалась новая вещь „Лидова „Клѣтница“, которая является плодомъ рѣдкаго проникновенія духомъ русскаго сказочнаго міа и можетъ въ то же время служить прекраснымъ образцомъ музыкальнаго юмора. „Испанская рапсодія“ Равеля отличается красотой, тонкостью и оригинальностью оркестровки, но при всемъ томъ эта вещь слишкомъ вышняя и мало содержательная, чтобы покорила собой слушателя. А блестяще исполненное г-жей Эрдели „introduction et allegro“ Равеля для арфы съ оркестромъ оказалось совсемъ мало интереснымъ. Дирижировалъ г. Зилоти и дирижировалъ съ большимъ искусствомъ и пониманіемъ исполняемаго.

Т.

„Мазепа“ у Зимина.

Если въ самомъ дѣлѣ (а это, кажется, такъ и есть) для русскихъ особенно типично пристрастіе къ „словеснымъ эффектамъ“ въ музыкѣ, то опера Зимина самая „истинно-русская“. Оркестръ здѣсь все время гремитъ, пѣвцы почти сплошь поютъ форсированнымъ до послѣдней степени звукомъ. Въ речитативъ къ этому несутся, прихвывая декорации, костюмы. Если угодно, здѣсь выработался свой „стиль“ постановокъ. И, если до сихъ поръ оперы иной разъ проходили и въ шомъ духѣ, то постановка „Мазепы“ оказалась, посомнѣнно, вполне „стильной“. Опера обставлена лучшими силами, поставлена прихв, но шумно и крикливо. Нѣкоторые моменты отмѣчены печатью таланта, слыны, даже захватываютъ, другіе — чрезвычайно грубы, досадно безвкусны. Ослино поставлена сцена казни: казнь происходитъ за сценой, а на сценѣ толпа смотритъ на казнь. Въ этой толпѣ масса жизни, и публика вѣдѣтъ съ ней испытываетъ и жуть ожиданія, и ужасъ, охватывающій по свершеніи казни... А вотъ въ 1-мъ дѣйствіи массовая сцена поставлена грубо, любочно, шумно до антимузыкальности.

Очень опасенъ этотъ „стиль“ для пѣвцовъ. Вотъ, напримеръ, г. Дамасовъ. Онъ такъ прекрасно поетъ Андрея; юансовъ не особенно много, игра самая примитивная, но столько шири, мощи, благородства звука въ его пѣніи, согрѣтомъ подлиннымъ, подчасъ и бурнымъ увлеченіемъ. Но при этомъ почти сплошь пѣніе forte и даже чаще fortissimo, а когда пѣвецъ переходитъ на piano, то и дѣло явственно выступаютъ предательскіе признаки — сипота, напряженность. Пусть же великодушный пѣвецъ внемлетъ этому предостереженію, частаго появленія хриплыхъ нотъ. Голосистъ и г. Шенелевъ, но ошитаки голосъ его преждевременно утратилъ свѣжесть. Мазепу артистъ поетъ часто красиво и экспрессивно, но усилія его дать сценическій образъ, къ сожалѣнію, не приводятъ къ благоприятнымъ результатамъ.

Особенкомъ посреди исполнителей стоитъ г. Бочаровъ — Кочубей. Голосъ г. Бочарова — не „іерихонская труба“, но поетъ онъ красиво, со вкусомъ. Его передача отличается тонкостью и законченностью, музыкальна въ полномъ смыслѣ слова, безъ большого захвата, но прочувствована и порою проникновенна... И можно только пожалѣть, что то партнеры слишкомъ громкимъ пѣніемъ, то недостаточно сдерживаемый (особенно во время сцены въ тюрьмѣ) оркестръ нерѣдко безжалостно подавляетъ стремленія артиста къ выдержанно тонкой и проникновенной передачѣ. 2-е представленіе „Мазе-

пы“ пришлось на 10-лѣтній юбилей г. Бочарова. Талантливый юбиляръ былъ предметомъ шумныхъ оваций публики и задумчиваго чествованія товарищей. Было много цѣнныхъ подношеній и цвѣты, цвѣты безъ конца. Пріятно отмѣтить, что прекрасный пѣвецъ и серьезный артистъ нашелъ заслуженную оцѣнку...

Положительно восторги зрительнаго зала вызываетъ передача сцены съ Маріей г-жа Петрова-Званцева (Любовь). Эта артистка выделяется и на общемъ кричащемъ фонѣ благодаря своей чрезвычайно яркой манерѣ передачи сильными, рѣзкими мазками. Въ партіи Любови артистка даетъ выпуклую фигуру и подымается до потрясающаго драматизма.

Опера, какъ мы уже отмѣчали, имѣетъ у публики большіи успѣхъ. И, какую бы роль здѣсь ни играло отмѣченное пристрастіе публики къ „словеснымъ“ эффектамъ, успѣхъ этотъ все-таки нельзя назвать незаслуженнымъ. Въ постановкѣ много яркаго и спѣлаго; составъ исполнителей, въ общемъ, несомнѣнно очень хорошъ.

Т.

Театръ Корша. Въ Гординѣ Коршевскій театръ нашелъ свою Маскотту.

Вотъ уже вторая пьеса этого автора проходитъ съ явнымъ успѣхомъ.

И это вполне понятно.

У этого жаргоннаго писателя столько свѣжести, у него такое чуткое чувство, такое умѣнье развить интригу и украсить ее своеобразной поэзіей, что прямо диву даешься.

Правда, онъ очень примитивенъ и склоненъ къ мелодрамѣ, но это не бѣда, — мелодрамы нечего бояться, она имѣетъ свой *raison d'être*, это основа театра.

Развѣ не мелодраматична литература романтизма, къ которому мы теперь возвращаемся, развѣ не мелодраматиченъ самъ Шиллеръ и хотя бы его „Разбойники“.

Хорошая мелодрама, право, это вещь, а у Гордина хорошая мелодрама.

Но у него не только мелодрама, у него есть и поэзія, есть и психологія, не глубокая, но трогательная, есть образный, цвѣтистый, яркий языкъ.

На фонѣ маленькой жизни разныхъ еврейскихъ мѣстечекъ, авторъ трогательно рассказываетъ про маленькія страданія своихъ незамѣтныхъ героевъ.

Онъ не боится танцевъ и пѣанъ, рѣзкихъ остротъ, у него нестрашна смѣла неглубокая горь и беззащитнаго смѣха.

„Мирра Эфросъ“ очень типичная вещь для Гордина.

Это нѣчто въ родѣ „Короля Лира“, перенесеннаго въ обстановку Гродна и Слуцка.

Исторія Мирры Эфросъ, гордой, умной, обаятельной женщины, униженной ея сыновьями, которые потомъ сами были наказаны и у ней жо вѣдѣтъ въ ногахъ, рассказана тепло, трогательно.

Опера С. И. Зимина. „Мазепа“.

М. В. Бочаровъ — Кочубей.

Петербургъ. Новый театръ. — „Вечерняя Заря“ Гамсуна.

Карено—г. Тинскій.

Пѣніе, такъ ново, такъ захватываетъ.

Къ горлу подступаютъ невольныя слезы.

И въ смыслѣ уничтоженія антисемитизма такая пьеса можетъ сыграть большую роль.

Играютъ пьесу совсѣмъ недурно.

Г-жа Жихарева правильно и благородно играетъ героиню.

У нея есть очень хорошіе моменты.

Г-жа Блюменталь-Тамарина очень тихична.

Рѣзкость г-жи Дымовой была очень умѣстна въ роли Шейндель, — она хорошо передала ей злобу и тупость.

Великолѣпнѣе г. Борисовъ — большая фигура и смѣшная, и трогательная.

Все очень ярко, а постоянно повторяемая фраза — какая разница! — произносится артистомъ удивительно тонко.

Очень тепло играетъ г. Чаринъ.

Есть теплота и у г. Дюжидовскаго, недуренъ г. Ашанинъ, и очень мила г-жа Буткова.

Поставлена пьеса, къ удивленію, недурно.

Львовъ.

Письма въ редакцію.

По поводу лекціи г. Массини.

20 января въ аудиторіи Историческаго музея состоялась лекція г. Массини по поводу постановки звука, порчи голоса и прочее. Я вовсе не хочу удѣлять вниманіе этой лекціи и говорить о ней по существу, такъ какъ она не представляетъ, вообще, интереса ни въ какомъ отношеніи. Чтобы выступить публично и читать лекціи, нужны, прежде всего, знанія, нужно сказать что-нибудь новое, свое, продуманное, прочувствованное; лектору, проповѣдующему свою истину, нужно умѣть приложить ее къ дѣлу, яснѣе — теорію осуществить на практикѣ. Ничего этого не далъ лекторъ, ибо при демонстраціи самымъ лекторомъ правильнаго и неправильнаго звука — разницы не было никакой: и въ томъ и въ другомъ случаѣ сжатое горло и, конечно, кричащій звукъ, замѣтите, — на среднемъ регистрѣ. И стоило ли утруждать публику, собирать ее, чтобы повторять зады старой истины: откройте любую страницу трудовъ по постановкѣ голоса профессоровъ Ламперти, Джиральдони, Гутмана и многихъ другихъ, и вы найдете все, о чемъ говорилъ г. Массини, только въ болѣе понятной и простой формѣ изложенія, а г. Массини ни однимъ словомъ не обмолвился о трудахъ вышеозначенныхъ профессоровъ, точно онъ первый открылъ Америку въ этой области. Вновь задаю вопросъ, стоило ли собирать публику?... А она, всегда жаждающая знаній, пришла и пылливо стучится и ищетъ истину, вопрошаетъ устами и убѣжденнаго сѣдшами пѣнча-артиста, всю жизнь отдавашаго этому трудному искусству, и устами юноши, повидному, желающаго постигнуть тайну и умоляющаго голосомъ просящаго лектора дать разъясненіе:

— Г. Массини, вы много говорили о дыханіи, весь секретъ въ пѣніи только правильное дыханіе, — покажите же намъ, какъ нужно дышать?

Мучительная пауза. Лекторъ смущенъ. Юноша неотвязчивъ. Вновь повторяетъ свой вопросъ...

— Покажите, лекторъ, какъ нужно дышать?

— Вы хотите, чтобы я далъ вамъ урокъ, — пожалуйста ко мнѣ на квартиру.

Господа, довольно одного этого отвѣта, чтобы судить о лекторѣ и о цѣли его лекціи!..

М. Пятницкій.

Глубокоуважаемый Г. редакторъ!

Позвольте черезъ посредство вашего журнала предупредить товарищей о дутыхъ антрепризахъ, въ родѣ той, въ какую попали мы, нижеподписавшіеся. У насъ было небольшое дѣло на товарищескихъ началахъ, ѣздили по небольшимъ городамъ, зарабатывали себѣ на хлѣбъ и спокойно дождались бы конца сезона. Распорядителемъ нашей труппы былъ нѣкій А. Н. Львовъ, человѣкъ очень гуманный и честный. Его супруга (героиня нашей труппы), человѣкъ озлобленный, вымещала свою злобу на товарищахъ-артистахъ и была зломъ въ дѣлѣ. Супругъ ея, человѣкъ безхарактерный былъ у нея подъ башмакомъ и не могъ удержать ее отъ безобразій и рѣзкихъ словъ, которыми она насъ угощала на репетиціяхъ и спектакляхъ.

Поставленные въ необходимость согласиться на ихъ предложеніе перейти къ нимъ въ антрепризу, мы вѣрили А. Н. Львову, говорившему, что у него вмѣсто денегъ голова и честность. Прошелъ мѣсяцъ каторжнаго труда или, вѣрнѣе, желзнаго терпѣнія; выслушавъ ежедневно скандалы, мы, не получивъ во-время деньги, высказали, что желали бы аккуратно получать жалованье и оградить себя отъ лишняго раздраженія со стороны супруги г-на антрепренера. Произошелъ форменный скандалъ, во время котораго оскорблялись актеры всевозможными рѣзкими словами, задѣвалась и семейная жизнь.

Увѣряемъ, что за одно слово, произнесенное по адресу всѣхъ артистовъ вообще, ее можно было бы привлечь къ законной отвѣтственности, и только благодаря тому, что она не выплативъ намъ жалованья и бросивъ дѣло, уѣхала, оставивъ 8 человѣкъ голодать въ жалкомъ мѣстечкѣ, гдѣ у публички высосаны послѣдніе соки, мы не можемъ отомстить ей за бранное слово.

Ну, да до поры кувшинъ воду носить, а въ жизни гора съ горой только не сходится. А. Н. Львовъ по слабости своего характера, очевидно, потерялъ голову, женившись на госпожѣ Нат. Вас. Львовой (быв. Яворской). Боимся, что они снова будутъ собирать труппу, а посему предостерегаемъ товарищей принимать ихъ предложенія, ибо въ ихъ дѣлѣ не честный актерскій трудъ, а сплошная мука.

З. Н. Горская, Н. А. Горскій, С. С. Ярославцевъ, Л. А. Горевъ, Н. Д. Красовскій, С. Л. Бѣльскій, Е. В. Мочаловъ, Е. В. Новичка.

М. Г.

Г. редакторъ!

Изъ высланнаго Вамъ мною одновременно съ симъ N-ра мѣстной газеты „Наша копейка“ отъ 10-го с. м., Вы увидите, что между мною (какъ и между представителями „Театра и Искусства“ и антрепренершей мѣстной труппы г-жой Поляковой) произошелъ инцидентъ, обитой который при всемъ своемъ желаніи мы никакъ не могли *). Поступокъ г-жи Поляковой такъ пекоректенъ и оскорбителенъ, бравада, сопровождавшая этотъ поступокъ, такъ возмутительна, что, не считая себя въ правѣ писать отруפי, директриса которой такъ безпардонно расправляется съ ненавистными ей рецензентами, я (какъ и корреспондентъ „Т. и И.“) отказался отъ своего сезоннаго мѣста и вернулъ дирекціи свой сезонный билетъ.

Что побудило г-жу Полякову на этотъ свой поступокъ? Они даже не сочли нужнымъ представиться! — вотъ чѣмъ возмущается г-жа Полякова! Находя это возмущеніе совершенно неосновательнымъ, а причину — просто-напросто капризомъ, удовлетворить который не имѣю никакого желанія, — разрываю мнѣ изложить здѣсь свою точку зрѣнія: Г-жа Полякова, прежде всего и раньше всего, для меня — актриса, съ которой я и знакомъ только какъ съ таковой. Затѣмъ, кромѣ управляющаго, дирекціи имѣютъ также и уполномоченнаго, у котораго я и получалъ необходимыя свѣдѣнія. Такимъ образомъ, какъ видите, особенной надобности въ личномъ знакомствѣ съ г-жой Поляковой я не ощущаю, и это укоренившееся въ провинціи хожденіе „на поклоненіе“ съелъ совершенно лишнимъ.

Съ глубокимъ уваженіемъ
готовый къ услугамъ

Дав. Закасай.

*) Изъ приложеннаго къ письму номера газеты видно, что г-жа Полякова въ присутствіи корреспондентовъ отозвалась о нихъ въ очень рѣзкихъ выраженіяхъ.

Петербург.

Съ береговъ Жевы.

(Отъ собственного корреспондента).

Кончина В. Ф. Коммиссаржевской. Юбилей Михайлова и Пальмского. Черный Котъ.

Грустный аккордъ смерти Коммиссаржевской, ошеломляющая своей внезапностью и случайностью. Угасъ „бриллиантъ рус. сцены“, талантливый, пылкий до дерзости, страстный до энтузиазма артистка. Она рвала въ ширь, въ высоту искусства и въ поискахъ „вѣчной истины, вѣчной красоты“, далеко не всегда добиваясь желаннаго результата, — искренно, горячо проводила свою ндою, не щадя личного здоровья и силъ. Ея игра, нервная, часто съ подрывомъ, иногда неровная, но всегда увлекающая, трогательная, художественная, красноречивая до гениальности, — невольно заражала зрителя, властно вызывая въ немъ яркость и глубину переживанія. Какъ читала, отзывчивая душа, сама переживавшая не мало въ личной жизни, незабвенная Вѣра Федоровна цвѣтикомъ понимала чужое горе и, если могла, неуклонно и стойко шла на помощь съ поспешною помощью. И потому, когда великое сердце биться перестало, повсюду, во всѣхъ уголкахъ ея родины прокатилась бурная, клокочущая волна искренняго сожалѣнія и неподдѣльнаго душевнаго горя, вызваннаго безвѣстной, тяжелой утратой талантливой артистки и прекраснаго человека.

Петербургъ, въ лицѣ всей прессы и всѣхъ людей, причастныхъ къ сферѣ театр. жизни, съ глубокой неподдѣльной скорбью принялъ тяжелую вѣсть. Интересную сцену рисуетъ въ „Нов. Русс.“ г. Pierre Pierrot. Вечеромъ, когда печальная телеграмма о кончинѣ Вѣры Федоровны молніей пронеслась по Петербургу, опъ, будучи въ одномъ изъ театровъ, подошелъ къ „дежурному полицейскому приставу“:

— Умерла Коммиссаржевская — разрѣшите переговорить съ ея театромъ...

— Что-о?.. Какъ?.. Коммиссаржевская?!

Я привыкъ (пишетъ Р. Р.) къ полицейскому крику. Не одинъ разъ приходилось путешествовать и сидѣть подъ покровительствомъ полиціи. Полицейскій перекрестился широкимъ, истовымъ, народнымъ жестомъ. На его глазахъ что-то блеснуло...

И это въ то время, когда ея. Гермогенъ запрещаетъ служить по Коммиссаржевской панихиды, пока ему „не доставятъ точныхъ свѣдѣній“, была ли артистка „православнаго“ и „когда исповѣдалась“, въ то время когда тотъ же саратовскій „смирненскій пастырь“ грозится отлучать отъ церкви и не допускать къ причастью всѣхъ посѣщающихъ театры, не говоря уже о сценическихъ дѣятеляхъ!!...

Трогательное впечатлѣніе произвела отъ насъ спектакли въ „Новомъ драматическомъ театрѣ“ въ день полученія телеграммы о кончинѣ В. Ф. Дѣйствительно, играть въ этотъ вечеръ на сценѣ, которая создана трудами Коммиссаржевской, было бы тяжело...

Отслужены панихиды по усопшей въ „Нов. драм. театрѣ“, въ „Маломъ“, въ „Сказкѣ“, въ театр. обществѣ въ Казанскомъ соборѣ (гдѣ изъ артистовъ Импер. театр. была... только М. Г. Савина) и др... Миръ праху твоему, страдальца земная.

Теперь... нѣсколько словъ о живыхъ. Аккордъ веселый... Въ минувшую недѣлю Петербургъ чествовалъ двухъ юбиловъ, 25-лѣтіе сценич., театр. и литературной дѣятельности коихъ исполнилось 10 февраля.

Малый театръ скромно отпраздновалъ юбилей М. А. Михайлова. Шла, по выбору юбиляра, пьеса въ 4 д. Н. П. Потапонка „Чужіе“, въ которой Михайловъ исполняетъ роль старика Дыболова. Были подношенія, рѣчи, поздравленія.

Другой юбилей Л. П. Пальмского (Балбасовскаго) вышелъ значительно торжественнѣе. Всегда корректный, прѣвѣтливый, въ высшей степени обходительный, любезный Леонидъ Леонардовичъ собралъ вокругъ себя много сочувствующихъ лицъ театральнаго-литературнаго міра. Поэтому — неудивительно, что въ юбилейный спектакль („Разведенная жена“ и „Графъ Люксембургскій“) „Буффъ“ былъ переполненъ публикой. Послѣ II акта „Разведенной жены“ Л. П. Пальмскій, окруженный труппою „Буффъ“, частью загримированной для „Люксембурга“, частью не усѣвшей снятъ гримъ послѣ „Разведенной жены“, — подъ громъ аплодисментовъ выслаивалъ рѣчи, поздравленія, адреса. Отъ труппы прѣвѣтствовалъ юбиляра Н. Г. Сѣверскій, подчеркивавшій отзывчивость Пальмскаго, готовность его всегда помочь въ тяжелой минутѣ. Б. И. Бентовскій прочелъ „адресъ“ „союза

драматическихъ и музыкальных писателей“, въ которомъ охарактеризовалъ Л. П., какъ даровитаго переводчика, способнаго найти достойное и интересное для русской сцены, и автора нѣсколькихъ сотенъ пьесъ. Много телеграммъ, вѣнковъ, серебряныхъ и цѣнныхъ подношеній.

Послѣ спектакля въ „Restaurant de Paris“ (б. Кюба) состоялся банкетъ, на которомъ было около 200 представителей петербургской литературы и искусства. Содержательныя рѣчи произнесены г. А. Р. Кугелемъ, пріемнымъ повѣреннымъ Бобринцевымъ-Пушкинымъ, Н. Г. Сѣверскимъ и др. Въ концѣ банкета, по мысли Абельсона, весь залъ почтилъ память погибшей отъ оспы Коммиссаржевской, вставъ — какъ одинъ человекъ, — въ благоговѣнномъ молчаніи. Было торжественно и красиво. Не могу не упомянуть о возникновеніи и трехспектакльномъ расцвѣтѣ новаго кабаре — „Черный Котъ“, устроеннаго Влад. Азовымъ и Г. Штрикъ. Одинъ спектакль, въ видѣ генеральной репетиціи, былъ данъ въ театрѣ „Сказка“ и два — въ „Нов. театрѣ“. Недостатокъ — преобладаніе чисто-пѣсенныхъ переводныхъ пѣсенокъ и очень незначительная доза русскаго юмора. Пока — спектакли кабаре временно прекратились.

Вас. Базилевскій.

Петербургъ. Новый театр. — „Вечерняя Заря“ Гамсуна.

Бондезень — г. Викторъ.

Рис. Як. Зильберштейна.

Исполнившееся 9 апрѣля прошлаго года 35-лѣтіе сценической дѣятельности М. Г. Савиной празднуется въ Александринскомъ театрѣ юбилейнымъ, торжественнымъ спектаклемъ 23 февраля.

— Парадный спектакль въ Мариинскомъ театрѣ и балетъ „Эсмеральда“, видимо, пришли по вкусу нашимъ недавнимъ французскимъ гостямъ. Во время спектакля, какъ извѣстно, нѣкоторые изъ нихъ сидѣли въ ложѣ М. Ф. Кшесинской; приведенные въ восторгъ игрой и танцами заслуженной балерины депутаты просили разрѣшенія пройти въ ея уборную, гдѣ ваговорили ей массу комплиментовъ. Уѣзжал во Францію, депутаты прислали балеринѣ телеграмму слѣдующаго содержанія:

Въ воспоминаніяхъ о Петербургѣ мы находимъ исключительное удовольствіе въ томъ, чтобы еще разъ выразить Вамъ нашу благодарность и особенно радостную надежду аплодировать Вамъ въ Парижѣ 12 апрѣля.

Сенаторъ Менге, Виконтъ-де-ла Батини, баронъ Гранмезонъ, Жоржъ Леру съ коллегами.

Письмо французскихъ гостей къ В. А. Теляковскому.

Директоръ Императорскихъ театровъ В. А. Теляковский получилъ изъ Москвы отъ секретаря французской делегаціи проф. Анри Фроманго письмо слѣдующаго содержанія:

„Слѣдуя Вамъ выразить свою полную удовлетворенность отъ посѣщенія спектакля-gala въ московскомъ Императорскомъ Большомъ театрѣ въ пользу пострадавшихъ отъ наводненія французамъ. Въ залѣ, переполненномъ столь симпатичной нашей странѣ русской публикой, мы провели вечеръ, который, не давая забывать такого же вечера въ Петербургѣ, намъ позволилъ еще разъ восхищаться высокимъ русскими музыкально-драматическимъ искусствомъ, столь прославленнымъ

Одесса. Городской театр.

Режиссер г. Гаевский.

Вами руководимым. Все было великолепно: хоры, солнеты, музыка, танцы и драма — и я нахожусь в большом затруднении, кому должно отдать предпочтение: Москвѣ или Петербургу. Я радъ случаю вторично выразить Вамъ свою благодарность за трогательное вниманіе, которымъ Вы насъ одарили.

Баронъ д'Эстурнель Констанъ проситъ меня специально передать Вамъ свой привѣтъ.

Екатерининскій театр. (Отъ собств. корр.). Интересную, содержательную драму въ 3 д. А. Кистмакера „Истинникъ“, въ рамкѣ красивой декорации, показалъ публикѣ (собралшейся, къ сожалѣнію, въ недостаточномъ количествѣ) — театръ С. В. Брагина.

Проф. Берну (г. Муравьевъ) подозрѣваетъ свою жену (г-жа Ясновская) Сесиль въ порочной связи съ молодымъ человекомъ, слѣдить за ней, грозитъ убить ее вмѣстѣ съ соперникомъ, но, когда онъ находитъ въ спальнѣ Сесиль своего врага, случайно разбившагося и умиравшаго, всѣ теоріи о „чести“, „долгѣ“ въ немъ побуждаютъ истинникъ братства, любви и спасенія ближняго, и проф. Берну, вмѣсто того чтобы выкинуть соперника внизъ изъ окна, забываетъ про мщеніе и потрясеннымъ, полнымъ состраданія голосомъ говоритъ женѣ:

— Надо спасти человека... Будемъ работать...

Очень мила г-жа Ясновская (Сесиль) и типична г-жа Приголева (горничная).

Въ заключеніе — новинка: 6 картинъ пародіи на „Анатэму“, въ которой авторъ, скрывшій свое имя, пытается подчеркнуть мысль, что въ настоящее время драматургу не нуженъ ни умъ, ни талантъ, ни гений, а достаточно только побольше смѣлости и воображенія, чтобы стать „знаменитымъ“.

Хорошо играетъ Лейзера г. Печоринъ; тонко копируетъ извѣстнаго режиссера г. Смирновъ; недуренъ Анатэма — г. Угрюмовъ и очень хорошъ „нѣкто въ сюртукѣ“ — г. Горскій. Красивая Рова — г-жа Адашева.

Готовится къ постановкѣ пьеса Я. Гюдина „Любовь и смерть“.

Вас. Базилевскій.

Мелочи театральной жизни.

Между Кіевомъ и Одессой возгорѣлся литературный инцидентъ, характеризующій необходимость въ заглавномъ теперь „судѣ писателей“. Въ Одессѣ писатель А. С. Вознесенскій прочиталъ на чеховскомъ нечѣрѣ стихотвореніе, въ которомъ душа обывателя названа была неизвѣстно почему „желтой“. Стихотвореніе это было напечатано затѣмъ въ „Од. Нов.“. Публицистъ „Кіевской Мысли“ А. Яблоновскій, довольно справедливо обрушился на г. Вознесенскаго громовой статьёй подъ названіемъ „Поэтъ желтаго смѣха и зловсего хохота“. „Одесскія Новости“ и отдѣльные читатели, въ свою очередь, выразили протестъ противъ г. Яблоновскаго. И пошла инсать губернія... Хотя стихотвореніе г. Вознесенскаго въ сущности такого вниманія не стоить.

— Сообщаютъ изъ Екатеринбурга, что изъ-за ненормальнаго распредѣленія ролей между уполномоченнымъ дирекціи труппы Зарайскимъ, г. Гусачевымъ, и артисткой Жвирблисъ произошло недоразумѣніе, при чемъ г-жа Жвирблисъ нанесла оскорбленіе г. Гусачеву дѣйствіемъ.

Мѣстное общественное мнѣніе на сторонѣ артистки и извиняетъ ея поступокъ тяжелой театральной атмосферой и пристрастнымъ отношеніемъ къ артисткѣ со стороны дирекціи.

Артистка оштрафована и устранена отъ участія въ спектакляхъ.

Въ „Уральскомъ Краѣ“ печатаются сочувственныя ей письма мѣстной интеллигенціи. Печальная, знакомая картина!

— Въ 1901 г. покинулъ труппу Большого театра баритонъ Н. П. Миллеръ и не вернулъ либретто оперы „Бронзовый конь“, которое ему было выдано изъ библіотеки театровъ. Прошло девять лѣтъ, г. Миллеръ забылъ и о либретто, и о „Бронзовомъ конѣ“, какъ вдругъ на-дняхъ получаетъ бумагу слѣдующаго содержанія отъ режиссерскаго управленія оперной труппы:

„Николаю Павловичу Миллеръ. На основаніи выписки изъ отзыва контроля министерства Императорскаго Двора, отъ 20-го апрѣля 1909 г. за № 1610, пыжю честь покорнѣйше просить васъ, милостивый государь, возвратити числѣнщеся за вами либретто оперы „Бронзовый конь“, взятое изъ оперной библіотеки Императорскихъ московскихъ театровъ или, въ случаѣ утраты, вернуть стоимость ея — 50 коп.“. Бумага подписана библіотекаремъ. Управление театровъ девять лѣтъ ждало, не вернетъ ли г. Миллеръ либретто...

— Въ Ташкентѣ на сценѣ произошелъ скандалъ, смутившій всю публику. Въ свой бевефисъ артистка, комическая старуха Харлазова, передъ самымъ началомъ спектакля, выйдя на сцену, приблизилась къ прорѣзи въ занавѣсѣ въ видѣ кружка въ мѣдвѣй пятакъ, чтобы посмотреть однимъ глазомъ, много ли публики.

Не замѣтивъ этого, помощникъ режиссера велѣлъ дать заправѣ, артистка не успѣла отступить, и занавѣсъ, зацѣпившись нижнимъ горизонтальнымъ брусомъ за платье артистки, потянулся быстро вверхъ.

Артистка на секунду повисла передъ зрителями въ невѣроятномъ видѣ... Занавѣсъ, спохватившись, опустили обратно. Въ театрѣ царилъ какой-то ревъ.

— Въ Ниццѣ возникло судебное дѣло между піанистомъ Розенталемъ и „Casino municipal“. Дирекція знаменитаго „казино“, какъ всѣ игорные дома, желая вуалировать настоящую цѣль свою, рѣшили пригласить, кромѣ оперныхъ артистовъ, и извѣстныхъ музыкантовъ (напр., Зауэра, Розенталя, Изаи и друг.). Концерты устраивались для публики, толпящейся около рулетки. Выкрики крупье „faites le jeu, messieurs“ должны были заглушаться мелодіями Бетховена и Шумана. Но, вотъ, среди исполнителей концертной программы нашелся протестантъ. Піанистъ Розенталь рѣшительно отказался выступать въ такой обстановкѣ. Обѣ стороны взыскиваютъ судебнымъ порядкомъ неустойку. Общественное мнѣніе всецѣло на сторонѣ смѣлаго піаниста.

За рубежомъ.

— Въ Лондонскомъ „Duke of York“ театрѣ готовится постановка новой пьесы Шоу „Mesalliance“.

По поводу этой своей пьесы Шоу сказалъ одному газетному сотруднику слѣдующее:

„Когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ моя пьеса „Getting married“ была поставлена въ первый разъ, гг. критики разругали ее въ концѣ, и публика пошла лишь въ театръ, когда она уже сама нашла, что это дѣйствительно хорошая пьеса. „Хорошо“ — это понятіе относительное. Есть люди, которые любятъ, наприм., сыръ свѣжій, а иные любятъ только сыръ старый и обязательно острый. Все въ дѣло вкуса, идетъ ли

рѣчь о сырѣ, литературѣ или о правоученіи. Въ моей новой пьесѣ я вывелъ все то, что менѣе всего понравилось критикамъ, разбиравшимъ мою прежнюю пьесу „Getting married“. Вѣдь я самъ когда-то былъ газетнымъ сотрудникомъ. Я буду очень доволенъ, если послѣ перваго представленія пьесы мои бывшіе коллеги поплетутся изъ театра домой разстроенными, подавленными, ибо имъ придется признать, что я являюсь наиболѣе ловкимъ писателемъ, что я прекраснѣйшій человекъ въ мірѣ. Моя новая пьеса безусловно классическая.

Въ пьесѣ нѣтъ дѣйствія на-лицо — лишь Шоу и хорошее драматическое искусство. Чего вамъ еще? Конечно, получится полный неуспѣхъ.

Въ Германіи меня цѣнятъ. въ Америкѣ хорошо оплачиваются мои пьесы, въ Англіи надо мною смѣются. Но я остаюсь вѣрнымъ Лондону. Для меня забавно — быть великолѣпно высмѣяннымъ“.

— Шолому Ашу въ Нью-Йоркѣ, въ громадномъ „Thalia-Theater“, была устроена торжественная встрѣча. Ашъ выпустилъ воззваніе къ еврейскимъ рабочимъ, къ интеллигенціи, къ писателямъ и артистамъ — объ устройствѣ еврейскаго театра, который былъ бы художественнымъ убѣжищемъ еврейской интеллигенціи, въ которомъ отражался бы еврейскій духъ въ интеллектуальномъ отношеніи.

На гробъ В. ф. Коммиссаржевской.

(Голосъ провинціи.)

Мы получили это трагическое извѣстіе вечеромъ на спектаклѣ неселаго театра, театра для смѣха и забавы. И большая группа литераторовъ, художниковъ и артистовъ была какъ громомъ поражена этимъ неожиданнымъ, безконечно печальнымъ для театра извѣстіемъ.

И въ томъ, что эта вѣсть дошла до насъ, именно, здѣсь, къ театрѣ смѣха, чудилось намъ что-то роковое и многозначительное. Умеръ смѣхъ. Умерли шутки. И не сумѣли изгнать только-что рожденной печали ни пестрый костюмомъ и гримомъ паяцъ, ни шутки дня, ни импровизація на сценѣ.

Точно что-то оборвалось внутри насъ, застыло сердце, и многіе умолкли, не находя словъ для выраженія огромной, казалось, безконечной печали. Одины большой, извѣстный всей Россіи писатель только тяжело издыхалъ и говорилъ: „Какая нелѣпость!“

А это вышло, именно, трагически-нелѣпо. Нелѣпо то, что сейчасъ, когда столько радужныхъ надеждъ возлагала на свою послѣднюю гастрольную поѣздку В. Ф. Коммиссаржевская, — ей не стало.

Она столько строила плановъ. Говорила вотъ еще два-три мѣсяца назадъ:

— Поѣду въ поѣздку, соберу немного денегъ и потомъ открою въ Петербургѣ театральную школу при своемъ же театрѣ...

Она мечтала создать нѣчто въ родѣ высшей театальной школы.

Театальный университетъ. Академію.

Геніальная идея.

Какъ „все, что“ придумывала эта великая артистка-человѣкъ.

Школа В. Ф. была бы дѣйствительно академіей, въ которую бы стремилось все одаренное талантомъ, чтобы взять что-нибудь у великаго мастера сцены.

Но вышло „нелѣпо“.

На зарѣ новой полосы жизни большое сердце перестало биться.

Умерла В. Ф., оспенная сыпь обнаружила такое обиліе гноя, что, сходя, срывала покровъ тѣла. Страшно страдая, умерла В. Ф. безъ сознанія.

Нелѣпо. Тысячу разъ нелѣпо оборвалась эта красивая жизнь...

Въ тысячу разъ больнѣе, что мы — провинція, которую В. Ф. такъ безконечно любила, въ которой она съ такимъ триумфомъ создавала свою славную сценическую карьеру и въ которую пришла теперь, когда ее какъ-будто перестали понимать въ холодномъ Петербургѣ, — доставила ей столько страданій.

Провинція, это одно огромное, забытое и захудалое захолустье, дало В. Ф. лучшія, счастливѣйшія минуты прекраснѣйшихъ переживаній.

Отсюда она начала свой славный путь.

Сюда она приходила измѣрять степень любви Россіи къ себѣ. Степень пониманія ея задачъ и переживаній.

Сюда она пришла, наконецъ, теперь, когда задумала нѣчто грандіозное и весьма нужное.

Кіевъ. Городской театр.

Е. Д. Воронецъ въ роли „Гальки“.

И здѣсь же принесла свою жизнь въ жертву.

„Когда я думаю о своемъ призваніи — я не боюсь жизни“.

Эти роковыя, любимыя В. Ф., Чеховскія слова оказались дѣйствительно для нея роковыми.

Она не боялась жизни, потому-что думала только о своемъ призваніи, а жизнь сыграла свою „пустую и глухую“ шутку... Для насъ, провинціаловъ, общино только то, что напыщенный и сухой, бездушный и неискренній, столичный брюзга клеймилъ насъ за то роковое, что случилось.

„Провинція ее съѣла!“ „Она забрала у насъ это дорогое и близкое сердце!“

Вамъ, повятно, безконечно больно, что у насъ перестало биться это большое сердце. Но въ этомъ мы видимъ какой-то огромный, острый и колючій упрекъ по вашему адресу, господинъ столичный брюзга.

В. Ф. шла искать поддержки всегда къ намъ, въ провинцію.

Когда къ душѣ подкатывалась волна временнаго тяжелаго разочарованія. Когда нужны были деньги. Когда хотѣлось отдохнуть отъ развѣхъ сплетевъ и ивтригъ казенной атмосферы.

Вы сумѣли доставлять В. Ф. только безконечныя минуты огорченія и печали.

А мы, мы... приходили съ своимъ теплымъ, сердечнымъ отношеніемъ, своей искренностью и любовью...

Къ чему же такіе нелѣпые, несправедливые упреки?

Еще надъ теплымъ трупомъ великой артистки?!

Суди по первымъ, дошедшимъ до насъ извѣстіямъ, провинція ближе холодныхъ и бездушныхъ столицъ ирпывала къ сердцу еще свѣжую, незастывшую отъ времени печаль.

Можетъ быть, потому, что провинція вообще умѣетъ сердечнѣе относиться къ тому, что она любитъ и цѣнитъ.

А, можетъ-быть, или вѣрнѣе, потому, что умерла именно В. Ф. Коммиссаржевская.

Ее здѣсь любили какой-то особенной любовью.

Ждали рѣдкихъ наѣздовъ, какъ какого-то свѣщеннаго небеснаго огня, который долженъ утолить лучшіе, возвышенныя запросы душъ.

Такой любовью не любила провинція ни одного еще слушателя сцены.

В. Ф. боготворили.

Въ рѣдкомъ домѣ вы не найдете ея портрета.

Рѣдкій человекъ не видѣлъ ее въ какой-нибудь изъ ко- роновыхъ розетъ.

И когда пришла печальная вѣсть — все заволновалось и заплакало.

О печали не перестанутъ говорить.

Поспѣшили съ одной — двумя панихидами.

Плакали не только работающіе на театрѣ или прикосновенные къ нему. Плакалъ зритель, публика, въ огромномъ числѣ наполпвшая церковь.

Это-ли не характерно рядомъ съ извѣстіями, напр., изъ Петербурга, гдѣ на первой же панихидѣ — еще надъ теплымъ трупомъ — не собрались даже всѣ петербургскіе актеры?!

Это лишний штрихъ къ тому утверждению, что Россія — тамъ, далеко, въ провинціи...

Что здѣсь умѣютъ горячо и преданно любить.

Цѣнятъ дѣйствительныя дарованія, вставляющіи переживать нѣчто возвышенное, не отъ земли...

Смерть В. Ф. это отлично показала. Его оплакивают какъ близко-дорогую, незаменимую... Словно, умерло родное, собственное сердце. Что-то оборвалось внутри насъ и стало вдругъ такъ холодно и пусто... Кто согрѣетъ теперь озлѣбную душу? Кто замѣнитъ В. Ф. Коммиссаржевскую? ... Глядишь вокругъ... и руки опускаются...

А. Ардовъ.

Провиція.

Астрахань. (Отъ нашего корреспондента.) Дирекція Е. М. Долина, драма. Сезонъ начался 4-го октября комедіей А. Н. Островскаго „Бѣшенныя деньги“. Со дня открытія сезона по 4-ое января 1910 года прошли слѣдующія пьесы: „Лѣсъ“ (2 раза), „Измѣна“ (2 раза), „Свадьба Кречинскаго“ (2 раза), „Война“ (3 раза), „Ревизоръ“ (2 раза), „Неизвѣстная“ (8 разъ), „Татьяна Рѣпина“ (2 раза), „Ню“ (2 раза), „Пляска жизни“ (3 раза), „Кинъ“, „Идиотъ“ (2 раза), „Фея капризъ“ (4 раза), „Дѣти ХХ вѣка“ (6 разъ), „Большой человѣкъ“, „Морскія ванны“, „Денежные тузы“ (2 раза), „Семья преступника“ (2 раза), „Звѣзда нравственности“ (2 раза), „Коварство и любовь“ (2 раза), „Анфиса“ (3 раза), „Безприданница“, „Орленокъ“ (3 раза), „Бой бабочекъ“ (2 раза), „Обыватели“ (2 раза), „Доходное мѣсто“ (2 раза), „Пѣвчиха Бобинетъ“, „Свѣтлая личность“ (бенефисъ С. И. Миличъ), „Дама отъ Максима“, „Измаилъ“ (2 раза), „Правда хорошо, а счастье лучше“, „Анатома“ (4 раза), „Сестра Тереза“ (2 раза), „Дѣти Ванюшина“ (3 раза), „Король лягушекъ“ (бенефисъ А. К. Гриневъ), „Безъ вины виноваты“ (2 раза), „Освобожденные рабы“ (2 раза), „Госпожа Пошлость“ (3 раза), „Сирано де-Бержеракъ“ (бен. Соколова), „Нищие духомъ“, „Порченые“ (2 раза), „Цыганка Занда“ (бенефисъ глав. администр. А. М. Строганова), „Горе отъ ума“ (2 раза), „Судебная ошибка“ (2 раза), „Вторая молодость“ (2 раза), „Пророкъ антихриста“, „Фрина“, „Цезарь и Клеопатра“ (3 раза), „Царевна Горюшина“ (2 раза), „На законномъ основаніи“ (юбилей Е. М. Долина), „Грѣхи отцовъ“, „Туннель“.

Елисаветградъ. (Отъ нашего корреспондента.) Съ 23-го января по 7-ое февраля въ зимнемъ театрѣ Е. Элькинда состоялся рядъ гастролей М. В. Дальскаго.

Гастроли эти привлекали массу публики и имѣли здѣсь громадный успѣхъ. Прошли: „Урѣль Акоста“, „Отзѣло“ (2 р.), „Кинъ“ (2 р.), „Женитьба Бѣлугина“, „Отецъ“ (2 р.), „Идиотъ“, „Василиса Мелентьева“, „Гражданская смерть“ и въ бенефисъ Дальскаго „Горе отъ ума“. Въ послѣднюю гастроль поставлена была одна сцена изъ „Донъ Карлоса“, гдѣ гастролеръ выступилъ въ роли маркиза Позы. Выѣстъ съ г. Дальскимъ выступаетъ также г-жа Лидарская.

На 18-ое марта назначенъ концертъ „знаменитой четы“ Южныхъ; ожидается второй концертъ А. М. Брагина, Каміонскаго, скрипача Коцана, Климова (одесскаго) и др.

Въ залѣ общества собранія состоялись на-дняхъ три „гастроли“ трансформатора Франкарди.

Г. П. Поговцевъ, Яновичъ и Попова подписали контракты на будущій сезонъ къ г. Миролубову.

Дав. Закасай.

Екатеринодаръ. Бенефисъ симпатичной артистки г-жи Янса, избравшей такую неинтересную по содержанію и бѣдную по музыкѣ оперу „Марта“ привлекъ мало публики. Бенефициантку тѣмъ не менѣе принимали тепло. Были поднесены цѣнные подарки и цвѣты.

Кіевъ. Въ четвергъ 18 февраля въ театрѣ „Соловцовъ“ поставлена была въ первый разъ въ сезонѣ, давно нешедшая въ Кіевѣ, пьеса Тургенева „Мѣсяцъ въ деревнѣ“. Пьесу ставитъ Н. А. Поповъ. Роли распределены такъ: Наталья Петровна — г-жа Будкевичъ, Вѣрочка — г-жа Гофманъ, Анна Семеновна — г-жа Волгина, Елизавета Богдановна — г-жа Чужбинова, Коля — г-жа Юзова, Катя — г-жа Лебедева, Ракитинъ — г. Дагмаровъ-Исукъ, Бѣляевъ — г. Орловъ-Чужбининъ, Шингельскій — г. Бѣлшновичъ, Болыининовъ — г. Дуванъ-Торцовъ, Исалаевъ — г. Леонтьевъ, Шаафъ — г. Урванцовъ, Матвѣй — г. Лаврешии.

— Знаменитая французская актриса М-те Режанъ сняла у г. Брыкина городской театр на два спектакля.

Кузнецкъ. Саратовской губ. (Отъ нашего корреспондента.) Для Народнаго театра на предстоящій лѣтній сезонъ драматическій кружокъ формируетъ труппу. Главными режиссеромъ приглашенъ артистъ А. А. Горбачевскій, кромѣ него пока приглашены А. И. Хомина (героиня и grande dame), М. Рутковская (injeu и sobite) Е. Г. Рахилина (2 роли), О. М. Канябѣва (старуха) и М. Б. Рахилина (комикъ).

Ведутся со многими переговоры.

Зимой, времени отъ времени, въ неблагоустроенномъ помѣщеніи общественнаго клуба идутъ спектакли любителей. Поставлены были: „Счастливый день“, „Два часа правды“, „Поцѣлуй Гуды“, „Драма у телефона“ и „Съ мѣста въ карьерѣ“.

Въ двухъ послѣднихъ спектакляхъ принимали участіе, и съ успѣхомъ, артисты М. Т. Маньковская и А. П. Аркадьинъ.

А. Ш.

Ниж.-Новгородъ. (Отъ нашего корреспондента.) 13 января въ камерѣ мирового судьи 5 уч. Н.-Новгорода разсматривалось крайне интересное въ принципиальномъ отношеніи дѣло изъ театральнаго міра: о взысканіи артистомъ М. И. Бестужевымъ съ арендатора народнаго дома инженера М. п. с. Б. Н. Алексѣева 130 р. убытковъ, причиненныхъ ему отказомъ со стороны арендатора дать слѣдующій ему бенефисъ и 8 руб. суточныхъ за выѣздъ на 4 спектакля въ село Сорново, Балахнинскаго уѣзда.

12 сентября 1909 годъ уполномоченный Алексѣева артистъ и режиссеръ М. П. Арматовъ-Ризъ, набирая труппу для народнаго дома, въ числѣ другихъ пригласилъ по письменному договору и истца Бестужева съ окладомъ въ 75 р. въ мѣсяцъ и однимъ бенефисомъ на общихъ условіяхъ съ другими бенефициантами. При чемъ обязательство о бенефисѣ въ условіе включено не было вслѣдствіе полной невыясненности вечеровыхъ расходовъ и неизвѣстности, будутъ ли бенефисы разрѣшены въ этомъ театрѣ вообще, но словесно было установлено, что если будетъ разрѣшенъ хотя одинъ бенефисъ, то таковыя должны получить всѣ артисты, съ которыми это было договорено словесно.

Вскорѣ въ народномъ домѣ между Алексѣевымъ, его женой и свояченицей г-г. Шиховыми, съ одной стороны, и большинствомъ артистовъ установились такія отношенія, которыя скоро стали сказкой города и повели къ цѣлому ряду крайне печальныхъ инцидентовъ, къ числу которыхъ можно отнести и оштрафование г. Бестужева на 7 р. 50 к. за отказъ выйти въ роли статиста, каковой штрафъ былъ возвращенъ г. Бестужеву рѣшеніемъ того же мирового судьи. Съ этого момента Алексѣевъ сталъ примѣнять къ Бестужеву, какъ это онъ объяснилъ въ исковомъ прошеніи, отнятіе ролей передъ самымъ спектаклемъ, лишать ролей его ампула, рядъ грубо-репрессивныхъ мѣръ и, наконецъ, лишилъ его г. Бартевичъ и бенефиса, устроивъ самую баллотировку въ ихъ присутствіи, желая этимъ подчеркнуть свое грубое издѣвательство надъ артистомъ. На вопросъ г. Бестужева о причинѣ лишенія его бенефиса Алексѣевъ объяснилъ полнымъ невѣдѣніемъ будто въ этого условія.

На основаніи этого г. Бестужевъ проситъ судью взыскать съ Алексѣева 130 р. убытковъ за лишеніе бенефиса по расчету: общій сборъ спектакля 360 р., — 100 р. вечероваго расхода, остальная сумма 260 р. дѣлится поровну между артистомъ и арендаторомъ, и затѣмъ 8 р. за поѣздки въ Сорново.

Въ день разбора дѣла камера судьи и всѣ прилегающія къ ней комнаты были переполнены до невозможности публикой, имѣвшей терпѣніе высидѣть почти 7 часовъ въ самой ужасной духотѣ.

Показаніями г. Ахматова-Ризъ и другихъ свидѣтелей и путемъ судебного слѣдствія установлено, что договоръ о бенефисахъ былъ обязательнымъ, если таковыя будутъ даны, и бенефисы были уже даны такимъ второстепеннымъ артистамъ, какъ Широа 1-я, Михайловнчъ, Боровитиновъ и Трофимовъ.

Несмотря на всѣ доводы Алексѣева, что давать бенефисы было только его право, какъ „хозяина“, мировой судья присудилъ въ пользу Бестужева 130 руб. и судебныхъ издержекъ 11 р. 50 коп. за лишеніе бенефиса и затѣмъ 8 руб. съ 2 руб. судебныхъ издержекъ за 4 поѣздки въ село Сорново, подвергнувъ второе рѣшеніе немедленному исполненію.

Алексѣевъ переноситъ дѣло въ съѣздъ.

В. Пѣшеходовъ.

Одесса. Въ Гор. театрѣ опредѣлились всѣ бенефисы до конца сезона. Во вторникъ 22 февраля бенефисъ режиссера Г. П. Гаевского; идетъ „Пѣснь любви и смерти“. Въ пятницу, 26 февраля, вмѣсто бенефиса М. Ф. Багрова назначенъ прошальный бенефисъ В. Л. Юреновой (пьеса еще окончательно не выбрана). Въ субботу утромъ бенефисъ суфлеровъ и пом. режиссеровъ; состоится 25-е представленіе „Сатаны“. Въ воскресенье, 28 февраля, бенефисъ М. Ф. Багрова и закрытіе сезона. Поидетъ „Коварство и любовь“ въ новой постановкѣ Н. Н. Синельникова.

М. Ф. Багровъ получилъ предложеніе о сдачѣ Город. театра для гастролей К. А. Варламова на вторую половину мая.

На сценѣ Гор. театра, подъ предсѣдательствомъ Н. Н. Синельникова, состоялось засѣданіе всей труппы, въ которомъ обсуждался вопросъ о чествованіи памяти В. Ф. Коммиссаржевской. Вмѣсто предполагавшагося вѣнка рѣшено собранную по подпискѣ сумму въ память В. Ф. внести на призрѣніе стариковъ и дѣтей при театральномъ о-вѣ.

Полтава. (Отъ нашего корреспондента.) „Синяя птица“ въ постановкѣ труппы Д. И. Басманова сдѣлала уже три полныхъ сбора.

Пьеса идетъ при чудныхъ свѣтовыхъ эффектахъ и невиданныхъ у насъ, въ Полтавѣ, художественныхъ декораций.

Недаромъ публика неоднократно вызывала декоратора труппы художника г. Петермана...

Режиссировать опытная рука директора труппы Д. И. Басманова.

И нужно отдать ему справедливость — „Синяя птица“ въ его постановкѣ имѣетъ такъ особый художественный колоритъ...

Картины — одна красивѣе другой... На постановку „Синей птички“ антрепризой потрачено много силъ и денегъ.

Публика наша цѣнитъ это, охотно смотритъ пьесу, и, несомѣнно, она выдержитъ у насъ еще рядъ представлений.

Съ наступающаго великаго поста, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, директоръ мѣстнаго музыкальнаго училища Д. В. Ахшарумовъ предпринимаетъ концертное турнѣ по Россіи во главѣ большого симфоническаго оркестра.

Маршрутъ слѣдующій: Полтава, Сумы, Харьковъ, Курскъ, Воронежъ, Тамбовъ, Козловъ, Елецъ, Орель, Тула, Калуга, Нюпочеркасскъ, Таганрогъ, Екатеринославъ, Николаевъ, Херсонъ, Николаевъ, Елисаветградъ, Кременчугъ, Полтава.

Всего дано будетъ 23 концерта. Я. де-Брау.

Ровно. (Отъ нашего корреспондента.) Театральный сезонъ нѣсколько оживился. Состоялись двѣ гастроли Варшавскаго литературно-художественнаго кабаре „Момусъ“ подъ управ. И. Павловскаго. „Момусъ“ — театръ миниатюръ и легкихъ пародій, не отличается глубиной, но все же обладаетъ тонкимъ юморомъ и заставляетъ смѣяться. Наибольшій успѣхъ имѣли музыкальныя иллюстраціи г. Эльмара-вальса Шопена — въ исполненіи представительницъ разныхъ національностей.

На смѣну „Момусу“ явилось товарищество украинскихъ артистовъ труппы Саксаганскаго, которое начало свои спектакли у насъ бенефисомъ управляющаго театромъ М. Г. Маркова. Поставлены были пьесы „Запорожець за Дунаемъ“ и

„Вечерницы“. Бенефициантъ былъ очень тепло встрѣченъ публикой и удостоился нѣсколькихъ цѣнныхъ подношеній. Сборъ былъ полный.

М. Блехъ.

Саратовъ. Прошла съ успѣхомъ пьеса Смолдовскаго „На станціи Забытой“. Большой успѣхъ выпалъ на долю г-жи Ильинской. Этотъ успѣхъ дѣлили г-жа Кражева и г. Южный.

Тифлисъ. (Отъ нашего корреспондента.) Оперный дирижеръ Н. А. Миклашевскій получилъ приглашеніе на Великій постъ въ Баку дирижировать оперой.

На Масленой въ казенномъ Тифлисскомъ театрѣ предполагается возобновить давно нешедшую оперу Н. А. Римскаго-Корсакова „Майскую ночь“, которая пойдетъ въ бенефисъ главнаго дирижера Н. А. Миклашевскаго.

29 января въ казенномъ театрѣ поставлена была въ 1-й разъ по возобновленіи опера Россини „Вильгельмъ Телль“, которая прошла съ прекраснымъ ансамблемъ, что нужно приписать общему подъему артистовъ благодаря тому, что этотъ спектакль былъ юбилейный — Е. І. Шастана. Товарищи-артисты преподнесли юбиляру вѣнокъ и цѣнный подарокъ. Публика привѣтствовала юбиляра тепло. Изъ исполнителей выдѣлились г-да Сокольскій и Борисенко.

Харьковъ. Постъ двухлѣтняго промежутка В. В. Люце снова появилась на харьковской сценѣ въ „Севильскомъ цирюльничѣ“ 12 февраля, и обворожительная Розина снова плѣнила публику, наполнявшую театръ, восторженно привѣтствовавшую артистку при первомъ же выходѣ; цвѣты, безконечныя оваціи послѣ сцены „уроки пѣнія“ и вызовы по окончаніи спектакля дополнили триумфъ. Рецензіи газетъ самыя восторженныя. „Утро“ отмѣчаетъ, что голосъ артистки сдѣлался еще красивѣе и сильнѣе. Донъ-Диезъ (Сокольскій) въ „Южномъ Краѣ“ называетъ В. В. Люце весной искусства. Всѣ гастроли проходятъ съ аншлагомъ.

Редакторъ-Издатель Л. Г. Мунштейнъ (Lolo).

ИСТЫЕ ЗНАТОКИ
и ЦѢНИТЕЛИ
ПРЕДПОЧИТАЮТЪ

ИРРУА

Сладкое
Средней слад.
Мало сладкое
Безъ сладости

— ИРРУА-КАПРИЗЪ, — DEMI-SEC
— ИРРУА-ГРАНЪ ГАЛА, — SEC,
— ИРРУА-АМЕРИКЕНЪ, — SEC, EXTRA
— ИРРУА-БРЮТЪ. — TRÈS SEC

IRROY

ШАМПАНСКОЕ
ПРИЗНАННОЕ
НАИЛУЧШИМЪ

НА
1910
ГОДЪ

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА
на еженедѣльный театальный богатъ иллюстрированный журналъ
„РАМПА и ЖИЗНЬ“

подъ редакціей „

Л. Г. Мунштейна
(Lolo).

БЕЗПЛАТНАЯ ПРЕМІЯ ДЛЯ ГОДОВЫХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ:

ЖРЕЦЫ и ЖРИЦЫ ИСКУССТВА

(сочаваріи сценіческихъ дѣятелей) въ стихахъ LOLO, съ портретами и шаржами Andr'a, И. Малюткина, Д. Мельникова и друг. Самая широкая оведомленности. ❖ Силки и зарисовки всѣхъ интересныхъ постановокъ иностранныхъ и русскихъ сценъ. ❖ Эскизы для грима и декораций. ❖ Портреты сценн. дѣятелей. ❖ Спец. фотографіи всѣхъ новинокъ Художественнаго театра. ❖ Карикатуры на театральныя злобы дня.

ОБШИРНЫЙ „ПРОВИНЦІАЛЬНЫЙ“ ОТДѢЛЪ.

52 большахъ портрета (на обложкѣ) артистовъ, писателей, композиторовъ и художниковъ, болѣе 1000 снимковъ, зарисовокъ, шаржей, карикатуръ и проч. 52

Собственные корреспонденты во всѣхъ западно-европейскихъ театальныхъ центрахъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкой и пересылк.: годъ—6 руб., полгода—3 р. 50 к., 3 мѣс.—1 р. 75 к., 1 мѣс.—60 к.; за границу — вдвое. Объявленія впереди текста 75 коп., позади 50 коп. строка пята.

Главная контора журнала: Москва, Бронная Болыш. Коляхнинскій пер., д. Мясникова. Тел. 258-25.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ также у П. П. Печковской (Петровскія линіи), въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, П. О. Вольфа и др. ❖ Розничная продажа журнала „РАМПА и ЖИЗНЬ“, кромѣ Москвы, производится: въ Петербургѣ — Иевскій, пассажъ, газетный кіоскъ; въ Одессѣ — кіоскъ Альштулера; въ Кіевѣ — книжн. маг. Л. Пидковскаго; въ Саратовѣ — книжн. маг. Суворина; въ Твери — кіоскъ Коротѣва; въ Казани — у С. П. Коломенскаго и въ маг. „Восточная Лира“; въ Елисаветградѣ — у Л. Закася; въ Пятигорскѣ — у А. И. Чайкина; въ Черкасахъ — у Х. Скловскаго; въ Смоленскѣ — книжн. маг. Лобкина; въ Симбирскѣ — у Гладкова; въ Елисаветградѣ — книжн. кіоскъ; въ Владивостокѣ — газетн. аген. „Польза“; въ Житомирѣ — театр. билл. Ваксертъ; въ Нижнемъ-Новгородѣ — муз. маг. „Аккордъ“.

К І Е В Ъ

СЪ ПАСХИ (19 апрѣля) 1910 г. СВОБОДЕНЪ и СДАЕТСЯ
для гастролей, концертовъ и т. п.

Театръ **„СОЛОВЦОВЪ“** Театръ

За свѣдѣніями обращаться въ контору театра.

ТЕАТЪ

К. Н. НЕЗЛОБИНА

(Бывшій Новый театръ).

Въ суб. 20-го февр. 1) „Побѣда смерти“. 2) „Сонъ осен-
няго вечера“. 21-го утр. „У царевны Динь“ Веч. „Эросъ и
Психея“. 22-го „Анфиса“. 23-го „Мелкій бѣсъ“. 24-го
утр. „У царевны Динь“. Веч. „Анфиса“. 25-го утр.
„Эросъ и Психея“. Веч. 1) „Побѣда смерти“ 2)
Сонъ осенняго вечера. 26-го утр. „У царевны Динь“.
Веч. „Анфиса“. 27-го утр. „Шлюкъ и Яу“. Веч. 1)
„Побѣда смерти“. 2) Сонъ осенняго вечера. 28-го
утр. „Анфиса“ Веч. „Эросъ и Психея“.

Нач. въ 8 ч. веч.

Администраторъ С. И. Годзи.

Театръ „БУФФЪ“

Дирекція А. Э. Блюменталь-Тамарина.

Въ воскресенье 21 февраля **БЕНЕФИСЪ**

В. С. ГОРЕВА.

въ 1-й разъ **„ШАЛУНЬЯ“** въ 1-й разъ
БОРЬБА.

Режиссеръ Н. Ф. Бутлеръ.

КЛИШЕ

ТИПОГРАФСІЯ ДЛЯ ПЕЧАТИ
ХУДОЖЕСТВЕННО И СКОРО
ИСПОЛНЯЕТ ЦИНКОГРАФИЯ
И. С. БЛОКОВ

ТЕЛЕФ 109-71.

ТВЕРСКАЯ, ГАЗЕТНЫЙ Д № 7

ДЛЯ ТЕАТРА КАБАРЭ

ПЬЕСЫ Б. Д. ФЛИТА „НЕЗНАКОМЦА“.

1) „АНАТЭМА“. Пародія въ 1 актѣ. 2) „СЕМЕЙКА“. Шаржъ въ 1 бездѣйствіи.
(Репертуаръ одесскаго кабаре „Би-ба-бо“). 3) „ТО БЫЛО РАННЕЮ ВЕСНОЮ“.
Шаржъ въ 1 дѣйствіи. 4) „КОМЕДИЯ БРАКА“. Пародія въ 1 дѣйствіи. (Ре-
пертуаръ „Би-ба-бо“). Цензурованные экземпляры можно получать у автора:

ОДЕССА. Ред. „Од. Нов.“ Б. Д. ФЛИТУ.

Издание „ШИПОВНИКЪ“.
С.-Петербургъ, Конюшинская, 17.

Ал. Вознесенскій.

ХОХОТЪ.

Пьеса 4 акта.

Ц. 75 к.

Для дѣтскихъ и утрен-
нихъ спектаклей.

ШАЛОСТИ ПАЖА

комедія-шутка въ 4 дѣйств.

(Женскихъ ролей — 3, муж-
скихъ — 4).

ПОСТАНОВКА ПРОСТАЯ.

Получать можно въ конторѣ
„РАМПЫ и ЖИЗНИ“.

Только что вышла новая пьеса

„Главная роль“.

Пьеса въ 3 д. Соч. М. Бродниера,
пер. съ рукописи Э. Э. Матерпа.
Издание С. О. Разсохина. Ролей:
мужск. — 3, женск. — 3. Остальные
второстепенныя. Декорации — комна-
ты. Пьеса очень удобна для турне.
Пьеса идетъ съ крупнымъ успѣхомъ
въ Вѣнѣ.

можно получать въ конторѣ
„Рампа и Жизнь“.

Вышелъ сборникъ
СЕРГ. МАМОНТОВА
„ПЯТЬ ПЬЕСЪ“

„Смерть Пушкина“, „Въ сель-
цѣ Отрадномъ“, „Цѣною кро-
ви“, „Сочельникъ“ и „Охота“.

Цѣна 1 р.

Складъ изданія въ типографіи Т-ва
И. Н. Кушнерева, Москва, Пиме-
новская ул. и въ конторѣ журнала
„Рампа и Жизнь“. Тамъ же пьется
книга того же автора:
„По бѣлу свѣту“.